

Древнѣйшее христіанство и соціальный вопросъ.

А. Пюэжа ¹⁾.

(Переводъ съ французскаго).

ПЕРВОЕ ЧТЕНІЕ.

Апостольскій вѣкъ.

Содержитъ ли въ себѣ христіанство соціальное ученіе? Если содержитъ, то каково это ученіе? Если же, напротивъ, нельзя этого сказать, если христіанство, по своему существу, есть религія, а не соціологія, то не заключаетъ ли оно, какъ всякая другая религія, нѣкотораго рода скрытой соціологіи? Какія послѣдствія оно заключаетъ? Какія тенденціи обнаруживали мнѣнія первыхъ христіанъ о богатствѣ? Они объявили беспощадную войну языческимъ культамъ и не могли не войти въ конфликтъ съ государствомъ, съ политическою властью. Не состояли ли они также въ сильной оппозиціи съ соціальнымъ строемъ греческаго и римскаго міра? Не ставили ли они себѣ цѣлью преобразовать его? Въ какой мѣрѣ содѣйствовало распространенію новой вѣры въ теченіе первыхъ трехъ вѣковъ то впечатлѣніе, которое производило на массы зрѣлище первоначальныхъ церквей, основанныхъ на братствѣ и любви къ ближнимъ? Нѣтъ вопросовъ, которые имѣли бы для насъ болѣе болѣе интересъ, чѣмъ эти;—недаромъ объ нихъ болѣе всего писали въ послѣдніе годы! Равнымъ образомъ, нѣтъ болѣе любимаго выраженія, какъ: соціальное христіанство (католичество). Но какъ это выраженіе, такъ и то ученіе, которому оно служитъ ярлыкомъ, оправдываются ли исторіей первоначальнаго христіанства? Или на нихъ нужно смотрѣть, какъ на новшество, какъ на попытку очень древней религіи явиться въ обновленномъ,

¹⁾ А. Puech *Le christianisme primitif et la question sociale. Religions et sociétés leçons professées à l' école des hautes études sociales. Paris. 1905.*

болѣе приспособленномъ къ условіямъ современнаго общества, видѣ? Слѣдуетъ ли думать, „что ученіе Иисуса было менѣе богословскимъ, чѣмъ социальнымъ“ ¹⁾, „что социальное католичество не есть народъ догмата и что, возвѣщая это такъ называемое новое евангеліе, поставляютъ себѣ цѣлью, не сдѣлать модное платье старой вѣрѣ, а воскресить, сообразно потребности времени, всѣ тѣ спасительныя силы, которые заключала въ себѣ старая вѣра“ ²⁾. Или наоборотъ, „что подъ вліяніемъ христіанства, люди не заботятся ни о какомъ социальномъ концѣ?“ ³⁾. Постараемся устранить всѣ предвзятія мысли; постараемся разобрать эту проблему, ввиду ея принадлежности къ области исторіи, съ точки зрѣнія историка, заботящагося единственно о томъ, чтобы освободить отъ мрака прошлаго ту истину, которую мы можемъ еще уловить ⁴⁾.

I.

„Царство Мое не отъ міра сего“ (Іоан. XVIII, 36). Этотъ отвѣтъ Господа Иисуса Христа Пилату прежде всего означаетъ, что Онъ былъ чуждъ всякаго политическаго честолюбія и совсѣмъ не выставлялъ себя противникомъ римской власти. Но также законно можно дать этому отвѣту и болѣе широкой смыслъ, и тогда онъ будетъ означать, что Иисусъ пришелъ не для того, чтобы расшатать основы общества, а для того, чтобы спасти души людей. По словамъ Ев. Луки,

¹⁾ Такъ выражается пасторъ Неггон, профессоръ „прикладнаго христіанства“ въ College de Grinnell (Iowa). Ср. Брюнетъера, „La religion comme Sociologie“. Revue des deux Mondes, 15 февр. 1903, стр. 806.

²⁾ Goyau, Autour du catholicisme social. 1, p. 42.

³⁾ G. Sorel, La ruine du monde antique. p. 90.

⁴⁾ Было бы неумѣстно давать здѣсь всю библіографію этого вопроса. Я ограничусь указаніемъ превосходной книги Ulhorn'a, Die christliche Liebesthätigkeit. 2 ed. Stuttgart. 1895. Читатели найдутъ богатый запасъ фактовъ и текстовъ въ „Тертуліанъ“, Guignebert'a (Paris, 1901, E. Leroux, 11 partie ch. X и XII). Среди ученыхъ, которые выразили, какъ мнѣ кажется, самыя правильныя мысли относительно этого довольно деликатнаго предмета, я долженъ назвать, по крайней мѣрѣ, г. Гарнака (См. Die evangelisch-soziale Aufgabe, въ Reden und Aufsätze, t. 11, p. 16) и аббата Луази (Loisy), который во многихъ важныхъ пунктахъ, какъ мнѣ кажется, совершенно правильно исправляетъ взгляды, высказанныя Гарнакомъ въ *Сущности христіанства*. (Ср. напр. L'Évangil et l'Église. p. 63 et suiv.).

Иисусъ выразилъ рѣшительное желаніе не выходить изъ тѣхъ предѣловъ, которые онъ Самъ Себѣ предназначилъ: „Кто поставилъ Меня судить и дѣлить васъ? (Лук. XII, 14). Спрашивается, какіе же были существенные пункты проповѣди Иисуса, какою мы ее представляемъ себѣ по тремъ синоптическимъ евангеліямъ, болѣе вѣрнымъ свидѣтельствамъ Его истиннаго ученія, чѣмъ евангеліе Іоанна? Подобно своему предтечѣ, Іоанну Крестителю, Иисусъ проповѣдуетъ покаяніе и возвѣщаетъ о скоромъ наступленіи царства Божія. Отличается же Онъ отъ Крестителя тѣмъ, что Онъ Самъ былъ Мессіей;—мы не оспариваемъ, что Онъ Самъ относилъ къ себѣ это имя, хотя другіе и оспариваютъ это. Еще Онъ отличается отъ Іоанна тѣмъ, что, за исключеніемъ кратковременнаго приготовительнаго пребыванія въ уединеніи, не удаляется въ пустыню, а живетъ среди своихъ братьевъ. Затѣмъ, если Онъ также совѣтуетъ отрѣшеніе отъ мірскихъ благъ, то все же Онъ не ведетъ жизни аскета. Наконецъ, Онъ не столько проповѣдуетъ о постѣ и воздержаніи, сколько о любви къ ближнему—дѣятельной благотворительности.

Два пункта этого ученія приковываютъ наше особенное вниманіе и требуютъ тщательнаго и точнаго опредѣленія. Прежде всего, Иисусъ возвѣщаетъ скорое наступленіе царства Божія. Этимъ Онъ пріобщаетъ Себя къ самой горячей надеждѣ всего Своего племени, къ старой и постоянной мечтѣ іудейскаго народа, возникшей подъ дѣйствіемъ тѣхъ ужасныхъ несчастій, жертвой которыхъ былъ этотъ народъ со времени плѣна. Длинный рядъ поколѣній, подвергавшихся постояннымъ испытаніямъ, мстилъ за печальную дѣйствительность ожиданіемъ правосудія отъ будущаго. То, чего они такъ страстно желали, то, что они провидѣли за этимъ возвѣщеніемъ, было прежде всего—возстановленіе ихъ національности. Но, въ концѣ перваго вѣка предъ нашей эрой, къ этому національному, въ высшей степени возбужденному чувству, примѣшалось еще другое, болѣе широкое и, въ тоже время, болѣе индивидуальное, чувство, что праведникъ, измученный жизнью, долженъ получить свою мзду. Для большаго числа современниковъ Иисуса мысль о пришествіи Мессіи, соединяемая съ мыслью о послѣднемъ судѣ, вызывала не только мечту о побѣдѣ Ізраиля надъ его врагами, но и мечту о возстановленіи справедливости, какъ въ

нѣдрахъ Израиля, такъ и во всемъ человѣчествѣ. Разсматриваемое съ этой точки зрѣнія, то великое событіе, которое имѣло обновить ликъ вселенной, принимало, конечно, нѣкоторый видъ соціального переворота, а потребность въ правосудіи, перешедшая изъ пламенной души древнихъ пророковъ въ общее сознаніе еврейскаго народа, находило въ немъ свое удовлетвореніе въ той же степени, какъ и національная гордость. Но этотъ переворотъ долженъ былъ произойти отъ какого либо сверхъестественнаго событія: люди ждали его только отъ Бога, чрезъ посредство Его посланнаго, сами же они не хотѣли его начинать.

Болѣе того, евангелія никоимъ образомъ не производятъ впечатлѣнія, что Иисусъ хотѣлъ представить наступленіе царства небснаго такъ, какъ будто существеннымъ характеромъ его было исправленіе соціальной неправды. Возвѣщая своимъ слушателямъ близость этого дня, Онъ хотѣлъ возбудить въ нихъ только нравственный переворотъ,—чувство покаянія. Значить ли это, что мысль о царствѣ Божіемъ, столь матеріальная у другихъ, въ Его умѣ одухотворялась и въ высшей стадіи своего развитія означало только царство святыхъ и чистыхъ душъ, въ которыхъ Богъ обитаетъ уже здѣсь на землѣ? ¹⁾ Конечно, нѣтъ. Если вѣрно, что любовь къ ближнему, простота и чистота суть тѣ условія, которыя открываютъ доступъ въ это царство; если вѣрно, что праведники, обладающіе этими условіями, въ нѣкоторой степени уже приняты въ это царство во время земной жизни, то наступленіе этой новой эры не есть настоящая дѣйствительность; она есть только та великая надежда, появляющаяся на горизонтѣ, которая осуществится только дѣйствіемъ всего міроваго переворота. Такимъ образомъ и непризнанному праведнику и угнетенному жизнью бѣдняку остается только ждать этого часа съ терпѣніемъ, только покорностью воли Божіей они явятся орудіемъ своего собственнаго отмщенія.

¹⁾ См. въ *L'Évangile et l'Église* главы г. Луази о царствѣ небесномъ. Текстъ Луки (XVII, 22), на послѣднемъ, отдѣльно взятомъ предложеніи котораго главнымъ образомъ основывается, повидимому, таинственное толкованіе Царства, взятый въ общемъ, имѣетъ совершенно ясный смыслъ, что Царство осуществится вдругъ, никто не узнаетъ дня его появленія.

Второй пунктъ также требуетъ разъясненія. Каково бы ни было ученіе, проповѣдуемое Иисусомъ, слѣдующій фактъ остается несомнѣннымъ. Его служеніе происходило среди бѣдныхъ и Его проповѣдь относительно богатства была строгою. Но можно ли думать, что христіанское движеніе, не смотря на все, было въ концѣ концовъ соціальнымъ движеніемъ и что его истиннымъ началомъ было бѣдствіе того времени и той среды, гдѣ оно проявилось? Это значило бы видѣть только одну сторону дѣла и приѣтомъ страннымъ образомъ умалять его. Состраданіе Иисуса касается не только бѣдствія и бѣдности, оно простирается на всю человѣческую природу, со всѣми ея недостатками и слабостями: на болѣзни и бѣдственность, еще въ большей степени на грѣхъ, чѣмъ на бѣдственность и болѣзни; слѣдовательно, въ существѣ своемъ оно совсѣмъ не соціально, а истинно религиозно. Оно не только шире и глубже соціального чувства, но даже посколькѣ оно съ нимъ отождествляется въ призывѣ къ любви къ ближнему, къ братству, къ единенію умовъ и слянію душъ, оно не только не выставляетъ соціальной проблемы, а ее подавляетъ. Эта соціальная проблема является подавленной какъ въ томъ случаѣ, когда бѣдные радуются въ ихъ бѣдности, когда богатые дѣлаютъ хорошее употребленіе изъ ихъ богатства, такъ и въ томъ когда міръ перестаетъ существовать, когда только короткій промежутокъ времени испытаній отдѣляетъ вѣрующихъ отъ славнаго царства справедливости.

Между тѣмъ изъ того, что умъ Учителя былъ занятъ этою мыслью, а сердца Его учениковъ волновались отъ этой надежды, слѣдуетъ ли заключить, что Иисусъ и Его первые вѣрующіе, углубленные въ эти мечты, совершенно не обращали вниманія на современное имъ положеніе вещей и были безучастны ко всему улучшенію этого положенія? Слѣдуетъ ли отсюда заключить, что христіанское ученіе, занятое исключительно нравственнымъ прогрессомъ, навсегда останется элементомъ консервативнымъ, препятствіемъ ко всякому улучшенію и даже ко всякому желанію его улучшенія? Правда, мы не находимъ въ немъ, когда беремъ его въ первоначальныхъ историческихъ основахъ, ничего такого, что могло бы прямо указывать на существованіе хоть какого нибудь матеріальнаго прогресса; кажется даже, что извѣстныя слова

Иисуса, и самыя поэтическія, должны бы имѣть своимъ непосредственнымъ дѣйствіемъ—уничтоженіе всякаго порыва къ труду въ сладкомъ пребываніи въ спокойствіи вѣры: „Посмотрите на полевыя лиліи, какъ онѣ растутъ? Не трудятся, ни прядутъ“ (Мѡ. VI, 28); но, не значило ли бы это нудить ихъ смыслъ, видя въ нихъ забвеніе, рѣшительное презрѣніе къ дѣйствительности, которыя задержали бы всякое усиліе къ труду, всякое производство—средства жизни для человѣчества? Этими словами возвѣщается борьба съ малодушіемъ, свобода и ясность духа, которыхъ не нарушаютъ незначительныя физическія страданія; та духовная уравновѣшенность, которую не смущаетъ мелкій и боязливый эгоизмъ; то чистое и невозмутимое спокойствіе души, которое почти всѣ рѣчи Иисуса обозначаютъ какъ упованіе сыновъ на распростертую надъ ними десницу небснаго Отца. А отъ этого упованія раждается скорѣе дѣятельность, чѣмъ лѣность и бездѣйствіе! Въ самомъ дѣлѣ, когда Иисусъ проповѣдуетъ отреченіе отъ благъ міра; когда Онъ внушаетъ полнѣйшее отрѣшеніе отъ нихъ, если и не всѣмъ тѣмъ, которые его слушаютъ, то по крайней мѣрѣ своимъ непосредственнымъ ученикамъ—апостоламъ и всѣмъ тѣмъ, которые, подобно апостоламъ, хотятъ достигнуть совершенства; если Онъ проповѣдуетъ его всѣмъ какъ богатымъ, такъ и бѣднымъ, всѣмъ своимъ послѣдователямъ, какъ ученикамъ,—то Онъ предписываетъ, въ видѣ высшаго правила жизни, любовь къ ближнему—дѣятельную благотворительность. Такимъ образомъ, все Его ученіе заключаетъ въ себѣ, такъ сказать, два полюса, къ которымъ сводятся всѣ Его заповѣди: вѣру въ небснаго Отца, Который есть Сама доброта и любовь, и царство Котораго наступаетъ, и чувство всеобщаго братства между людьми, со всѣми обязанностями, которыя оно налагаетъ. Эти обязанности дѣятельной благотворительности лежатъ такъ глубоко въ основѣ его нравственнаго ученія, что первыя христіанскія поколѣнія, на основаніи словъ: „Алкалъ Я, и вы дали Мнѣ ѣсть; жаждалъ, и вы напоили Меня“ и: „Алкалъ Я, и вы не дали Мнѣ ѣсть; жаждалъ, и вы не напоили Меня“ (Мѡ. XXV, 36, 42) только въ исполненіи или нарушеніи ихъ видѣли знакъ различія между избранными и отверженными.

Такова была радостная вѣсть, возвѣщенная Иисусомъ! Та-

кою ее поняли, согласно евангеліямъ, всѣ тѣ, которымъ она была передана апостолами и которыхъ она преисполнила живою радостью. Теперь, если мы спросимъ себя, какое дѣйствіе могла она произвести на состояніе современнаго общества, являясь подъ столь простой формой, то, не смотря на ея простоту, мы различимъ въ ней двѣ силы, изъ которыхъ каждая можетъ дѣйствовать въ противоположномъ другъ отъ друга направленіи, и такимъ образомъ парализовать одна другую. *Maranatha*,—Господь идетъ! Ожиданіе наступленія Царства Божія, являясь мистическимъ удовлетвореніемъ потребности въ правосудіи, и, сосредоточивая умы людей на мысли о ближайшемъ концѣ міра, могло, конечно, послужить поводомъ къ тому, чтобы люди сочли не важнымъ дѣломъ и соціальныя отношенія, и различія классовъ, и неравенство имуществъ, и даже самую заботу о завтрашнемъ днѣ: стоитъ ли хлопотать о томъ, что завтра не будетъ существовать! Но, мысль о всеобщемъ братствѣ между людьми и заповѣдь „Любите другъ друга“ и „Люби ближняго твоего, какъ самого себя“ должны были не только увеличить дѣла благотворительности, но, можетъ быть, и преобразовать болѣе или менѣе непосредственно и въ болѣе или менѣе скоромъ времени соціальное положеніе, такъ какъ братство безъ нѣкотораго рода равенства не мыслимо. Однако, мысли не всегда сопровождаются тѣми послѣдствіями, которыхъ отъ нихъ ожидаютъ; часто случается, что дѣйствительность не оправдываетъ ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, что же произошло?

II.

Можно-ли въ виду свидѣтельствъ книги Дѣяній Св. Апостоловъ думать, что первая Іерусалимская церковь была коммунистическимъ обществомъ? Безспорно, она состояла главнымъ образомъ изъ бѣдныхъ людей и всѣ вѣрующіе оказывали другъ другу всевозможную помощь. Но осуществила ли она или хотѣла осуществить общность имуществъ? Прежде всего, та глава, удивительная глава Дѣяній, которая представляетъ намъ такую картину: „У множества же увѣровавшихъ было одно сердце и одна душа; и никто ничего изъ имѣнія своего не называлъ своимъ, но все у нихъ было общее“ (Дѣян. IV, 32), передана не свидѣтелемъ — очевидцемъ, а историкомъ, который внесъ уже идеализированное преданіе.

„Всѣ, которые владѣли землями, или домами“, говоритъ онъ, „продавая ихъ, приносили цѣну проданнаго; и полагали къ ногамъ Апостоловъ, и каждому давалось, въ чемъ кто имѣлъ нужду“. Затѣмъ, въ частности, онъ приводитъ примѣръ Варнавы, который отказался отъ всего своего имущества, примѣръ Ананіи и Сапфиры, которые обманнымъ образомъ утаили часть изъ цѣны за проданное имѣніе (V, 1 — 12). Но ничто въ его рассказѣ не указываетъ на то, что Варнава и его подражатели только подчинились постановленію, обязательному для всѣхъ членовъ общины; скорѣе представляется болѣе вѣроятнымъ, что ихъ приношеніе было добровольнымъ, было подсказано имъ ихъ совѣстью. Правда, Ананія и Сапфира были строго обличены Ап. Петромъ и чудеснымъ образомъ наказаны: но это обличеніе было вызвано тѣмъ, что они утаили часть цѣны, а ихъ наказаніе — тѣмъ, что солгали, но никоимъ образомъ не тѣмъ, что они удержали часть своего имущества. Намъ не приведено ни одного примѣра, чтобы кто либо изъ вѣрующихъ отказался продать свое имѣніе и заплатить жизнью за свой отказъ. При этомъ нужно припомнить, что изъ всѣхъ евангелистовъ св. Лука въ особенности любитъ восхвалять бѣдность, и его евангеліе есть единственное, въ которомъ иногда проявляются социалистическія тенденціи. Безкорыстіе Варнавы было, по всей вѣроятности, не единственнымъ; многіе христіане, вспоминая слова Іисуса: „Если хочешь быть совершеннымъ, пойди, продай имѣніе твое, и слѣдуй за Мною“, должны были счесть своей обязанностью сообразоваться съ ними. Еще менѣе вѣроятнымъ представляется, чтобы старѣйшины Іерусалимской церкви хотѣли формально учредить общину на принципѣ общности имущества.

Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что, если попытка къ этому и была сдѣлана, то она была очень не долговременна, ибо къ тому времени, когда ап. Павелъ посѣтилъ Іерусалимскую церковь, она уже не имѣла достаточныхъ средствъ для удовлетворенія всѣхъ нуждъ; доказательствомъ чего служить тотъ сборъ, который ап. Павелъ съ такимъ трудомъ организовалъ среди вѣрующихъ, живущихъ въ Македоніи и Греціи. Да и ранѣе, развѣ нѣтъ фактовъ, повидимому, прямо, указывающихъ на то, что вѣрующіе не принуждались къ отказу отъ своего имущества? Когда, ап. Павелъ

былъ чудеснымъ образомъ освобожденъ изъ темницы (Дѣян. XII, 10—19), то онъ тотчасъ же отправился въ домъ матери Іоанна, называемаго Маркомъ, гдѣ многіе собирались и молились; онъ постучался у воротъ и былъ узанъ по голосу служанкою Родою. Мать Іоанна—Марка имѣла домъ, и довольно обширный; такъ какъ онъ служилъ мѣстомъ собраній для вѣрующихъ. Если она его предоставила въ распоряженіе вѣрующихъ, значить, она его не продала, совершенно такъ же, какъ она не отказалась отъ служенія служанки Роды. Отсюда слѣдуетъ, что предыдущую главу Дѣяній нельзя принимать дословно.

Авторъ Дѣяній, Ев. Лука, изъ чудесныхъ разсказовъ, общенныхъ ему по поводу благотворительности въ первоначальной христіанской церкви, заключилъ о существованіи въ ней такого ученія, которое никогда не имѣло силы закона, что видно изъ ближайшаго разсмотрѣнія фактовъ, о которыхъ онъ повѣствуетъ. Іерусалимскіе христіане не создали новой соціальной организаціи: только безграничная братская любовь внушала имъ ихъ поведеніе и давала невѣроятно сильный толчокъ ихъ, духу благотворительности. „Всѣ продавали свои земли и свои дома“—вотъ что, по разсказу Дѣяній, было чрезвычайно и обобщало частные случаи, которые были, безъ сомнѣнія, часты. „Никто ничего изъ имѣнія своего не называлъ своимъ“. Вотъ что, напротивъ, точно передавало состояніе духа вѣрующихъ, ихъ мнѣніе о собственности, которая оправдывается и терпима только при хорошемъ употребленіи ея.

Эта небольшая христіанская община въ Іерусалимѣ представляется какъ бы однимъ семействомъ. Она имѣетъ свои ежедневныя собранія, общую трезеу, вдовы получаютъ въ ней правильную помощь; вскорѣ, вслѣдствіе ропота Еллинистовъ, считавшихъ себя обиженными при раздаяніи потребностей, она устраиваетъ у себя оффиціальныи органъ благотворительности: избираетъ изъ своей среды семь чловѣкъ извѣданныхъ и ставитъ ихъ на эту службу (Дѣян. VI, 1—6). Но отъ этого она не дѣлается ни фаланстерой, ни монастыремъ. Чтобы понять эту разницу, сравнимъ ее съ іессейскими общинами, которыя въ это время получили довольно большое развитіе. Іессей, въ томъ видѣ, какъ ихъ

представляютъ Филонъ, Иосифъ или Плиніи, ¹⁾ ведутъ въ своихъ монастыряхъ жизнь строго аскетическую, отказываясь отъ брачной жизни, подчиняя себя труду, регулируемому строгой дисциплиной, они были предшественниками христіанскаго монашества. Но, навѣрно, не было никакого соприкосновенія между христіанствомъ и іессействомъ: ибо о немъ даже не упоминается въ евангеліи, тогда какъ въ немъ часто говорится о Саддукеяхъ и Фарисеяхъ. Между тѣмъ нельзя представить себѣ большей разницы, какая существовала между поселянами іессейскими, образовавшимися въ странѣ Енгади, и древними христіанскими общинами, которыя, отличаясь во всемъ отъ того міра, среди котораго онѣ жили, не отдѣлялись отъ него, и которыя своей горячей вѣрой, своимъ пылкимъ энтузіазмомъ, своими свободными проявленіями духа представляли самый поразительный контрастъ съ строгимъ и сухимъ іессействомъ.

Мы мало знаемъ исторію христіанскихъ палестинскихъ общинъ послѣ той эпохи, о которой мы получаемъ свѣдѣнія изъ книги Дѣяній Апостоловъ. Однако, мы можемъ сказать, что въ этихъ общинахъ, пополняемыхъ почти исключительно бѣдными, преданія первой іерусалимской церкви сохранялись, повидимому, довольно вѣрно. Большое недовѣріе къ богатству было въ ней нѣкотораго рода правиломъ. Въ евангеліи къ Евреямъ самыя замѣчательныя слова, какія Іисусъ произнесъ противъ богатства, были переданы намъ болѣе ярко, какъ вслѣдствіе извѣстныхъ подробностей, на которыхъ они опираются, такъ и вслѣдствіе извѣстныхъ сатирическихъ частныхъ разсказа, въ который они вставлены ²⁾. Іисусъ былъ поставленъ между двухъ богачей. Мы не знаемъ, что Онъ сказалъ первому; второму же, который у него спросилъ, что ему дѣлать сверхъ закона и пророковъ, Онъ отвѣтилъ такъ, какъ стоитъ у св. Маттея: „поди, продай имѣніе твое, и раздай нищимъ, и слѣдуй за Мною“ (Мѡ. 19, 21). *Но богатый почесалъ себѣ въ голову, потому что отвѣтъ ему не понравился.* Тогда Іисусъ снова сказалъ: *какъ можешь ты говорить: я исполнилъ законъ и пророковъ? Ибо написано*

1) Philon. Quod omnis probus liber, 12—13. Ioseph, Bell. Iud. 11. 8; Anliq. XIII, 5; XV, 10, XVIII, 1. Pline, H. N., V, 17.

2) Оригенъ, Комментарій на ев. Матвея, XV, 14.

въ законѣ: „Возлюби ближняго твоего, какъ себя самого“, а вотъ многие изъ твоихъ братьевъ, сыновъ Авраама, покрыты навозомъ, умираютъ съ голоду, въ то время какъ твой домъ изобилуетъ богатствомъ, отъ котораго ничего не достается. Бесѣда закончилась такъ же, какъ у св. Матѳея,—сравненіемъ верблюда и иголки. Таковы были обыкновенныя чувства этихъ бѣдныхъ, этихъ *Езронитовъ*, изъ которыхъ главнымъ образомъ состояли палестинскія церкви. Выраженіе такихъ чувствъ можно было бы найти и въ *посланіи ап. Іакова*, если бы навѣрно было установлено, что оно вышло изъ этой же среды; въ немъ увидѣли бы также, что нѣсколько богатыхъ людей уже составляли часть этой общины, что они не отказались отъ своего имущества и что они часто считались гордыми и черствыми людьми. Но если авторъ суровъ къ богатымъ, то и бѣднымъ онъ дастъ очень умѣренныя совѣты. Будьте терпѣливы, не желайте сдѣлаться богатыми—таковы тѣ наставленія, которыя онъ постоянно имъ повторяетъ, онъ, который, можетъ быть, болѣе, чѣмъ св. Лука, является ихъ защитникомъ. И вотъ, изъ его примѣра становится яснымъ, что христіанство, уступая первенство нравственному вопросу предъ соціальнымъ, довольно естественно и довольно скоро переходитъ къ проповѣди несчастнымъ о покорности воли Божіей и утрачиваетъ малѣйшій отбѣнокъ революціонной доктрины.

Замѣчательнымъ документомъ изъ жизни первоначальныхъ христіанскихъ общинъ на Востокѣ и ихъ организаціи въ концѣ перваго вѣка является небольшая книжка, найденная нѣсколько лѣтъ тому назадъ, подъ заглавіемъ: *ученіе двѣнадцати апостоловъ*, но вообще же извѣстная подъ своимъ греческимъ именемъ *Λιβαχί*¹⁾. Это маленькая книжка, показывающая намъ общества, еще одушевляемая энтузіазмомъ первыхъ временъ, въ которыхъ царствуетъ древній духъ свободы, но которыя стоятъ уже на пути къ преобразованію, на канунѣ болѣе правильнаго управленія,—эта книжка назначалась, безъ сомнѣнія, главнымъ образомъ для поселянъ и

¹⁾ Время происхожденія его не извѣстно достоверно. Гарнакъ, напримѣръ, относитъ его къ болѣе раннему времени, чѣмъ слѣдуетъ. Мѣсто происхожденія—Сирія или Палестина? Во всякомъ случаѣ, если бы *Λιβαχί* относилась къ болѣе поздней, чѣмъ я полагаю, эпохѣ, то все же оно могло произойти только отъ очень древней восточной общины.

скромныхъ рабочихъ. Изъ нѣсколькихъ страницъ, на которыхъ анонимъ, отличающійся здравымъ смысломъ и легкостью стилия, резюмировалъ все, что ему казалось самымъ существеннымъ въ апостольскомъ преданіи, видны гораздо отчетливѣе, чѣмъ изъ идеализированнаго разсказа св. Луки, нѣкоторыя изъ тѣхъ проблемъ, которыя въ это время начинали ставить себѣ церковь, и то, какими способами она старалась ихъ разрѣшить. Принципы любви къ ближнему, содержащіяся въ этой книгѣ, дышатъ самымъ чистымъ евангельскимъ духомъ: „не отвращайся отъ несчастнаго, дѣлись всѣмъ, что ты имѣешь, съ своимъ отцомъ: не говори, что тебѣ принадлежитъ что либо въ собственность; ибо если вы солидарны въ дѣлахъ безсмертія, то тѣмъ болѣе должны быть таковыми въ дѣлахъ земныхъ“ (IV, 8). Такимъ образомъ всюду мы видимъ одинъ и тотъ же способъ превращенія соціальнаго вопроса въ моральный и фактическаго коммунизма въ мистическій. Съ другой стороны, церковь старается установить бюджетъ для благотворительности: не назначая никакой суммы и не требуя десятины, она проситъ себѣ первыхъ плодовъ поля виноградника, первенцевъ скота. (XIII, 3). Весь этотъ сборъ идетъ на содержаніе священнослужителей, на помощь не только бѣдныхъ общины, но и на путешествующихъ христіанъ, какъ то: странствующихъ пророковъ и апостоловъ. Въ то же время даютъ себя чувствовать и нѣкоторыя изъ тѣхъ опасностей, которыми сопровождается благотворительность, и которыя требуютъ предосторожностей. Нѣсколько позднѣе, Лукіанъ съ своей неумолимой ироніей разсказываетъ, какъ эти бѣдные христіане, за свою неразумную любовь къ ближнему, легко дѣлились жертвою обмана; онъ намъ показываетъ, какъ циникъ Перегринъ устраивалъ себѣ постоянный доходъ на ихъ счетъ. (*О смерти Перегрина*, 11—14). Сколько правды содержится въ этой сатирѣ Лукіана, это легко видѣть изъ тѣхъ совѣтовъ, которые даетъ осторожный редакторъ *Лидакъ*: странствующіе апостолы не должны оставаться въ одномъ и томъ же мѣстѣ болѣе трехъ дней; они могутъ принимать только пропитаніе, такъ какъ справедливо и дозволено съ самаго начала, чтобы служители церкви жили отъ своей должности; но они не должны брать денегъ, иначе будутъ считаться лжепророками. Образовалось уже слово для обозначенія такихъ

эксплоататоровъ благотворительности, ихъ называли—*χριστέμ-
ποροι* (христопродавцами, XII, 5). Недовѣріе къ нимъ счита-
лось столь необходимымъ дѣломъ въ той средѣ, гдѣ живетъ
авторъ *Λιβαχῆ*, что, вопреки правилу церкви и всѣхъ ѳмора-
листовъ древняго христіанства — давать при всѣхъ обстоя-
тельствахъ и съ закрытыми глазами,—онъ не хочетъ, чтобы
оказывали благотвореніе безъ предварительнаго освѣдомле-
нія: „пусть ваша милостыня потѣетъ въ вашей рукѣ до тѣхъ
поръ, пока вы не узнаете, кому вы даете“ (1, 6).

III.

Первыя христіанскія восточныя общины, какъ въ Пале-
стинѣ, такъ и въ Сиріи, развивались среди очень ориги-
нальнаго общества, съ соціальной организаціей элементар-
ной, весьма отличной отъ организаціи тѣхъ провинцій, гдѣ
господствовала греко-римская цивилизація. Для нашего пред-
мета было бы весьма важно узнать, какое положеніе заняло
христіанство въ этихъ послѣднихъ странахъ, въ большихъ
и многочисленныхъ городахъ, гдѣ условія жизни бѣдныхъ
классовъ представляютъ большую аналогію съ тѣми усло-
віями, какія они имѣютъ у насъ, не смотря на ту большую
разницу, которую установило между античнымъ и нашимъ
обществомъ учрежденіе рабства. Къ счастью, мы освѣдом-
лены относительно нѣкоторыхъ, основанныхъ Ап. Павломъ,
общинъ изъ язычниковъ, и на основаніи болѣе достовѣр-
ныхъ свидѣтельствъ лучше, чѣмъ относительно первоначаль-
ной Іерусалимской общины; да и самъ Апостоль, смѣлой
иниціативѣ котораго новая вѣра обязана своей побѣдой
надъ римскимъ міромъ болѣе, чѣмъ кому другому, оставилъ
намъ въ своихъ посланіяхъ очень ясное изложеніе своихъ
взглядовъ. Благодаря ему, мы еще отчетливѣе видимъ, что
христіанство, даже въ первый періодъ своей кипучей дѣя-
тельности, было далеко отъ того, чтобы стать соціальнымъ
переворотомъ, а оставалось исключительно религіознымъ.
Свидѣтельство Ап. Павла для насъ вдвойнѣ драгоценно:
во-первыхъ, оно позволяетъ намъ проникнуть въ мысли са-
маго замѣчательнаго человѣка перваго христіанскаго поко-
лѣнія и его единственнаго истинно оригинальнаго вождя;
во-вторыхъ, оно даетъ намъ большое количество положитель-
ныхъ фактовъ. Въ его посланіяхъ можно найти не только

тотъ идеаль, который Апостоль представлялъ своимъ общинамъ, но и видѣть ту дѣйствительность, предъ которой онъ находился; ибо, если Апостоль и работалъ главнымъ образомъ надъ тѣмъ, чтобы перевести въ душу своихъ вѣрующихъ свою собственную вѣру и свою собственную любовь, то онъ заботился хотя и въ меньшей степени и о томъ, чтобы осуществлять свои мысли въ формѣ учреждений конкретных, въ рамкѣ строгой и опредѣленной организаціи. Такимъ образомъ, при небольшомъ вниманіи, въ его посланіяхъ можно найти нѣкоторыя свѣдѣнія о жизни тѣхъ общинъ, которыми онъ руководилъ,—жизни самобытной, свободной и богатой. Изъ всѣхъ этихъ общинъ, одинаково, хотя и по различнымъ причинамъ, интересныхъ, первое мѣсто занимаетъ Коринфская община, по важности того города, гдѣ она развилась. Въ первомъ вѣкѣ нашего лѣтосчисленія Коринфъ былъ самымъ цвѣтущимъ городомъ Греціи и одной изъ лучшихъ гаваней на Средиземномъ морѣ. Его народонаселеніе, по самымъ умѣреннымъ исчисленіямъ, превышало число въ сотни тысячъ жителей. Торговля и промышленность его были очень значительны. Маленькая христіанская община, которая тамъ образовалась и довольно быстро развилась, хотя она не болѣе всякой другой пополнялась людьми изъ высшаго общества, была, однако, не безъ средствъ. Въ ней, несомнѣнно, находились важныя и богатыя личности, какъ, напр., Стефанъ, котораго Апостоль называетъ „начаткомъ Ахаіи и о которомъ онъ говоритъ, что онъ и его семейство „посвятили себя на служеніе святымъ“. Вѣрующіе жили жизнью своего вѣка, предавались дѣламъ и работѣ; доказательствомъ этого служатъ тѣ совѣты, которые Апостоль даетъ имъ по поводу тѣхъ процессовъ, въ которые имъ случалось быть замѣшанными. Интересно видѣть, какъ въ такой средѣ былъ поставленъ социальный вопросъ и какъ его рѣшили.

Первымъ наставленіемъ Ап. Павла, такъ сказать, первымъ правиломъ, которому затѣмъ церковь никогда не переставала слѣдовать, было: пусть каждый остается въ своемъ званіи и довольствуется своей судьбой. Вотъ буквальные слова Апостола: „Каждый оставайся въ томъ званіи, въ которомъ призванъ. Рабомъ ли ты призванъ, не смущайся; но если можешь сдѣлаться свободнымъ, то лучшимъ воспользуйся. Ибо рабъ, призванный въ Господѣ, есть свободный Господа,

равно и призванный свободнымъ, есть рабъ Христовъ. Вы куплены дорогою цѣною; не дѣлайтесь рабами челоувѣковъ. Въ какомъ званіи кто призванъ, братія, въ томъ каждый и оставайся предъ Богомъ“ (1 Коринѣ. VII, 20—24). Текстъ ясенъ. Но не бесполезно спросить себя, изъ какихъ мотивовъ онъ вышелъ. Не слѣдуетъ вѣдь думать, что бы онъ хоть въ малѣйшей степени заключалъ въ себѣ одобреніе существующему соціальному строю, ибо этому противорѣчили бы слова: „можешь сдѣлаться свободнымъ, то лучшимъ воспользуйся“. И вотъ Ап. Павелъ ихъ опредѣляетъ — и въ этомъ существенно христіанская мысль. Это прежде всего ничтожность земной жизни въ сравненіи съ тою, которая ожидаетъ насъ послѣ смерти, и незначительность всѣхъ матеріальныхъ интересовъ, которымъ приносится въ жертву единственно имѣющій значеніе духовный интересъ; затѣмъ—забота о томъ чтобы установить, что христіанство никоимъ образомъ не противится власти, что его значеніе чисто религіозное, что оно не стремится затруднить свой успѣхъ бесполезнымъ усложненіемъ своей задачи. Но, каковы бы ни были мотивы,—а они всѣ законны,—результатъ ихъ не менѣе очевиденъ: это не освященіе, а фактическая поддержка установленнаго порядка.

Особенно поразительнымъ представляется отношеніе Ап. Павла и всей церкви къ вопросу о рабствѣ. На первый взглядъ казалось бы, что рабство должно было возбудить противъ себя все, что есть наиболѣе глубокаго и благороднаго въ чувствѣ христіанскаго братства, что христіанство не должно было оставаться болѣе равнодушнымъ къ этому нарушенію естественнаго права, чѣмъ тогдашняя философія, которая, особенно со времени стоицизма, поднялась до мысли о всеобщемъ равенствѣ между людьми, и не раздѣляла болѣе предразсудковъ Аристотеля. И не было, безъ сомнѣнія, ни одного христіанина, который бы не смотрѣлъ на рабство, какъ на ужасную несправедливость. Но развѣ этотъ міръ—не мѣсто зла и несправедливости? не юдоль бѣдствія и смерти? И не знаемъ ли мы, что образъ этого міра скоро-преходящъ, что скоро уже займется заря новаго дня, можетъ быть, завтра, можетъ быть, сейчасъ? Относительно рабства въ особенности не было, повидимому, никакой необходимости для первыхъ христіанъ ставить себя въ оппозицію

съ государствомъ; они сами подвергли бы себя опалѣ со стороны римскаго общества, что не входило въ ихъ намѣренія,—если бы навлекли на себя подозрѣнiе въ томъ, что разжигаютъ рабовъ къ войнѣ съ обществомъ. Поэтому, все побуждало Ап. Павла и его друзей избѣгать малѣйшей неосторожности на этой почвѣ и удовлетворяться лишь мыслью что и господа и рабы одинаково равны предъ Господомъ. Поэтому, пусть христіане—господа продолжаютъ удерживать своихъ рабовъ и стараются только относиться къ нимъ, какъ къ братьямъ; пусть христіане—рабы продолжаютъ состоять въ услуженіи у языческихъ семействъ и остаются въ подчиненіи у своихъ господъ; пусть господа не вмѣшиваются въ частное дѣло своихъ слугъ—выбирать себѣ тотъ или другой культъ. Согласно древнимъ обычаямъ, рабъ имѣлъ право принадлежать къ тому религиозному обществу, которое ему нравилось, для этого требовалось только согласіе его господина, *volentibus dominis*, и, въ принципѣ, въ этомъ согласіи ему никогда не было отказа. Съ христіанской точки зрѣнiя, такимъ способомъ устранялась наибольшая опасность, а рабъ, оставаясь въ своемъ званіи, все же могъ спасти свою душу. Еще болѣе, чѣмъ въ посланіи къ Коринѳянамъ, чувства ап. Павла проявляются въ короткомъ, но поэтическомъ посланіи къ Филимону. Здѣсь равенство всѣхъ людей во Христѣ имѣетъ прямо утвердительный характеръ, но уважаются и права собственности господина. Чтобы добиться болѣе вѣрно прощенія Онисиму, ап. Павелъ, пылкій Павелъ, прибѣгаетъ къ самымъ ласковымъ приемамъ и къ самымъ убѣдительнымъ доводамъ.

Кажется, если бы Церковь не была такъ исключительно занята нравственнымъ прогрессомъ, а позаботилась и о социальномъ, то, не прибѣгая къ оппозиціи и не рѣшая вопроса о рабствѣ въ смыслѣ свободы разомъ, могла бы приготовить рѣшеніе его постепенно, употребляя часть своихъ денежныхъ средствъ на выкупъ рабовъ. Но она рѣшительно избѣгала этого. Мы видимъ, что она, какъ только у нея образовалась общая касса, заботится о вдовахъ и сиротахъ, оказываетъ помощь заключеннымъ въ темницахъ, кормитъ бѣдныхъ и больныхъ, но не видимъ, чтобы она выкупала рабовъ ³⁾. Такая осторожность въ денежномъ отношеніи,

¹⁾ Одно мѣсто изъ письма Игнатія къ Поликарпу (IV, 3) показываетъ,

столь естественная въ такое раннее время, когда еще скромный бюджетъ былъ бы скоро растраченъ на бесполезное дѣло, можетъ, конечно, отчасти объяснить ея уклончивое отношеніе, но не можетъ считаться его единственною причиною.

Такимъ образомъ, соціальное зданіе остается нетронутымъ и ап. Павелъ не расшатываетъ его. Онъ довольствуется тѣмъ, что устраиваетъ подъ его защитой общину, гдѣ всѣ должны чувствовать себя равными. Но и внутри самой общины не легко соблюдать равенство во всемъ и вездѣ, когда оно нарушается вовнѣ; невозможно воздвигнуть стѣны между общиною и окружающимъ ее обществомъ. Какъ въ Коринѣѣ, такъ и въ Палестинскихъ общинахъ не легко было устранить всякія отличія и избѣжать треній между бѣдными и богатыми. Эта трудность стала обнаруживаться въ особенности на вечеряхъ любви. Ъли вмѣстѣ, но не на счетъ общей кассы, какъ было обычно въ *коллегіяхъ*,—въ языческихъ собраніяхъ; всякій приносилъ съ собою свой провіантъ и, вмѣсто того, чтобы, сложивъ все вмѣстѣ, раздѣлить его поровну между всѣми, какъ братьями, каждый прежде другихъ сѣдаль свою пищу (1 Коринѣ. XI, 20—25). Такимъ образомъ Коринѣская община, съ своей стороны, еще менѣе содѣйствовала образованію коммунизма, чѣмъ Іерусалимская.

И вотъ, въ этой гавани, открытой для всѣхъ племенъ, жившихъ по берегамъ Средиземнаго моря, въ этомъ центрѣ торговли, гдѣ сталкивались люди всѣхъ странъ, гдѣ, такъ же какъ въ Римѣ, сливались мысли, идущія со всѣхъ концовъ древняго міра, христіанство водворилось безъ всякаго затрудненія, безъ всякаго глубокаго потрясенія. Въ той средѣ, которую оно себѣ завоевало и ассимилировало, оно не ослабило жизни, не остановило обычнаго теченія дѣлъ и работы; оно ввело туда новое вѣрованіе и новые нравы. Но, не во всѣхъ общинахъ, основанныхъ ап. Павломъ, было такъ. Въ другихъ общинахъ, болѣе простыхъ, эта добрая вѣсть имѣла дѣйствія поистинѣ потрясающія: всѣ отношенія, всѣ условія жизни нарушились; радость, произведенная ею была такъ жива, ожиданія, которыя она поселила въ душѣ людей, такъ пылки, что вѣрующіе были охвачены ею, точно страхомъ,—

что это дѣло могло бы сдѣлаться, что, безъ сомнѣнія, оно уже дѣлалось; но епископы отклонили его.

и въ этомъ кризисѣ страстнаго экстаза чуть не замерла ихъ жизнь. Въ такомъ именно положеніи очутилась община Фессалоникская.

IV.

Фессалоникскіе христіане были людьми очень вѣрующими. Безъ сомнѣнія, весьма многіе изъ нихъ были бѣдны и жестоко измучены жизнью. При такой ихъ бѣдственности или нравственномъ отчаяніи, Евангеліе представилось имъ зарей новой жизни, и они повѣрили въ близкое наступленіе Царства Божія со всею искренностью. Имъ казалось, что оно осуществится уже завтрашній день. Иисусъ, Мессія идетъ во всей своей славѣ; вѣрующіе увидятъ, какъ Онъ сойдетъ съ небесъ, какъ будетъ воскрешать мертвыхъ, какъ они сами—избранники на облакахъ вознесутся Ему на встрѣчу. И эта вѣра была у нихъ такъ глубока и жива, что весьма многіе вообразили, что никто изъ новообращенныхъ не увидитъ смерти до наступленія, пришествія Спасителя во всей своей славѣ. Когда же нѣкоторые изъ нихъ умирали, то это было для нихъ причиной страшнаго смущенія, предметомъ соблазна и сомнѣнія, такъ что ап. Павелъ счелъ своей обязанностью предостеречь ихъ отъ этого въ своемъ первомъ посланіи. Утверждая, что день Господень придетъ какъ тать ночью, апостоль, въ то же время, ясно показываетъ, что вмѣстѣ съ ними онъ самъ раздѣляетъ тѣ же самыя надежды. Подобное душевное настроеніе должно было имѣть свои неизбѣжныя и при томъ весьма опасныя послѣдствія: оно превращало нормальное существованіе въ такое исключительное состояніе, при которомъ ежедневныя обязанности забываются, жизненные интересы утрачиваютъ свою цѣнность и всякая работа становится безсмысленною. И дѣйствительно, многіе изъ христіанъ стали относиться къ своей работѣ небрежно, и эта община мечтателей рисковала впасть въ бѣдность, а ихъ вѣра стала казаться язычникамъ приступомъ упомишательства. Но апостоль, при всемъ своемъ энтузіазмѣ, при всѣхъ своихъ мечтаніяхъ о близости пришествія отличался здравымъ и практическимъ умомъ. Онъ не могъ не замѣтить той опасности, которая грозила душамъ его вѣрующихъ, настроеннымъ такимъ образомъ. Отсюда вытекли всѣ тѣ мудрыя совѣты, которыми наполнено его второе посланіе къ Фессалоникійцамъ, отсюда-то его стремленіе—

почтить и возстановить трудъ, въ особенности ручной, которому онъ самъ, какъ извѣстно, усердно предавался, занимаясь изготовленіемъ палатокъ. Уже книга Бытія возводитъ трудъ въ законъ, но она представляетъ его наказаніемъ. Апостоль же, понимая нравственное значеніе труда, вмѣняетъ его въ обязанность. „Вы сами знаете, какъ должны вы подражать намъ, ибо мы не безчинствовали у васъ, ни у кого не ѣли хлѣба даромъ, но занимались трудомъ, и работою ночь и день, чтобы не обременить кого изъ васъ; не потому, чтобы мы не имѣли власти; но чтобы себя самихъ дать вамъ въ образецъ для подражанія намъ. Ибо когда мы были у васъ, то завѣщевали вамъ сіе: если кто не хочетъ трудиться, тотъ и не ѣшь. Но слышимъ, что нѣкоторые у васъ поступаютъ безчинно, ничего не дѣлаютъ, а суетятся. Таковыхъ увѣщиваемъ и убѣждаемъ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, чтобы они, работая въ безмолвіи, ѣли свой хлѣбъ. Вы же, братія, не унывайте, дѣлая добро. (2 Коринѣ. III, 7—13).“ Я сказалъ, что ап. Павелъ возстановилъ ручной трудъ. Вы знаете, что въ древности существовало довольно распространенное предубѣжденіе противъ ручнаго труда. Я не хочу сказать, что это предубѣжденіе было всеобщимъ; въ наше время раздаются голоса, которые оспариваютъ мнѣніе, что такое предубѣжденіе существовало, и доказываютъ, что мы, допуская его, заблуждаемся по своей склонности судить о состояніи древняго общества на основаніи свидѣтельствъ моралистовъ, писателей и философовъ, которыхъ не слѣдуетъ понимать буквально ¹⁾. И это возстановленіе было необходимо. Ибо, если въ эпоху римской имперіи это предубѣжденіе и продолжало существовать, какъ оно существовало ранѣе, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ классахъ, то оно существовало только въ видѣ пережитка, и даже двойнаго пережитка, такъ какъ оно несоотвѣтствовало ни настоящему положенію дѣла, ни голосу общественнаго мнѣнія. Оно не соотвѣтствовало настоящему положенію дѣла, ибо однимъ изъ вѣроятнѣйшихъ результатовъ послѣднихъ изслѣдованій объ экономическомъ состояніи древнѣйшихъ обществъ является тотъ фактъ, что,

¹⁾ См. Guiraud, *La main-d'oeuvre industrielle dans l'ancienne Grece*, ch. IV (Paris, F. Alean).

не смотря на конкуренцію со стороны крѣпостнаго труда, свободный трудъ далеко не былъ въ нихъ явленіемъ исключительнымъ и совсѣмъ не былъ такъ ограниченъ мѣстомъ, какъ полагали. И это оказывается вѣрнымъ, какъ относительно собственно классической эпохи, такъ и относительно періода императорскаго. Оно не соответствовало также и голосу общественнаго мнѣнія, ибо нравственная философія послѣ аристотелевскаго періода, по мѣрѣ своего освобожденія отъ тѣхъ предразсудковъ, которые заставляли принимать и даже хвалить рабство, и по мѣрѣ прекращенія своей тѣсной связи съ политикой и своего исключительнаго отношенія къ гражданину свободныхъ городовъ,—сдѣлалась болѣе гуманной и болѣе широкой и стала освобождаться, если не освободилась совершенно, отъ того презрительнаго отношенія, которое высказывали остряки по отношенію къ искусствамъ и ремесламъ. Вскорѣ послѣ ап. Павла, Діонъ Хрисостомъ ¹⁾ говорить, что въ Римѣ и въ другихъ столицахъ Римской имперіи существовалъ многочисленный пролетаріатъ, состоявшій изъ людей свободныхъ, и что народные проповѣдники, изъ которыхъ самымъ замѣчательнымъ былъ самъ Діонъ, превосходно умѣли различать между профессіями, которыми занимался этотъ пролетаріатъ, такія, которыя были предосудительны по причинѣ своихъ моральныхъ недостатковъ, и такія, которыя, по своей скромности, были совершенно безупречными. Такимъ образомъ нельзя сказать, что въ древности одно христіанство поняло и возвѣстило достоинство труда, и что оно одно работало надъ подъемомъ класса рабочихъ и мелкихъ ремесленниковъ. Но можно сказать, что оно работало надъ нимъ болѣе сильно, чѣмъ всякое другое ученіе или всякая другая корпорація. Ибо примѣръ ап. Павла получилъ силу закона для послѣдующихъ поколѣній, а его ученіе относительно этого пункта сдѣлалось, за немногими исключеніями, общимъ ученіемъ послѣ него. Ренанъ сказалъ: „Рабочій честно добывающій себѣ дневное пропитаніе трудомъ, представляетъ собою идеаль христіанина ²⁾.“ Во всякомъ случаѣ таковымъ долженъ быть христіанинъ, согласно ученію ап. Павла.

¹⁾ *Διωρος του Χρισστομου λογοι. Ευβοικος, VII.*

²⁾ Marc-Aurele, p. 600.

V.

Среди посланій Ап. Павла есть особая группа посланій, которыя обыкновенно называютъ Пастырскими,—это посланія къ Титу и къ Тимоѳею, время и мѣсто происхожденія которыхъ оспариваются критикою. Являясь во всѣхъ отношеніяхъ болѣе поздними, сравнительно съ посланіями къ фессалоникійцамъ и къ коринтянамъ, онѣ представляютъ намъ, вмѣсто живыхъ, свободныхъ и мало организованныхъ общинъ въ Македоніи и Ахаіи,—общины, отличающіяся болѣе лучшею организаціей, гдѣ епископы и пресвитеры пользуются болѣе опредѣленнымъ положеніемъ, и гдѣ начинается устанавливаться разница между клиромъ и мірянами. Нисколько не удивительно поэтому, что въ этихъ посланіяхъ являются особые правила и для благотворительности. Но что въ особенности замѣчательно и что доказываетъ, что мы все еще находимся на рубежѣ апостольскаго вѣка,—это то, что принимаются предосторожности, чтобы оффиціальная благотворительность не подавляла частной. Напримѣръ община не должна заботиться о вдовахъ, имѣющихъ дѣтей, и выражается желаніе, чтобы члены общины лично заботились о нѣкоторыхъ вдовахъ (1 къ Тимоѳ. V, 16). Это обстоятельство служить, безъ сомнѣнія, лучшимъ свидѣтельствомъ того, что тѣ общины, къ которымъ обращается Апостоль, не богаты и должны сберечь свои средства. Подобные совѣты могутъ, конечно, имѣть и другую цѣль: не препятствовать частной благотворительности при существованіи общественной. Въ сущности, всѣ эти первоначальныя общины древнѣйшаго христіанскаго поколѣнія еще не имѣютъ никакой правильной организаціи для дѣла благотворительности. Въ теоріи, не выставляя какого либо точнаго ученія о правѣ собственности, съ цѣлью его отрицанія или утверженія, допускаютъ, что богатый получилъ свои богатства только въ силу временнаго порученія и хорошее употребленіе ихъ является единственнымъ правомъ на пользованіе ими. Въ практикѣ же терпятъ богатство потому, что возлагаютъ на него обязанность подаенія милостыни,—чѣмъ создается широкое поле для частной благотворительности. Такимъ образомъ мы находимся въ самомъ центрѣ чистѣйшаго евангельскаго преданія, которое видитъ въ благотворительности не только дѣйствительную помощь бѣдному, но въ той же

почти степени и то освященіе, которое она производитъ въ душѣ богатаго, и выраженіемъ котораго она является. Какъ эта добродѣтель характеризовала христіанскія поколѣнія и какое впечатлѣніе она производила на язычниковъ даже долгое время спустя послѣ апостоловъ, въ срединѣ втораго вѣка, это показываетъ та сатирическая картина, на которую я намекалъ уже ранѣе. Лукіанъ считаетъ христіанъ своего времени коммунистами. Но въ этомъ Лукіанъ не только ошибается, но даже допускаетъ совершенно невѣроятное предположеніе, будто церковь уже въ этотъ періодъ дѣлала свои завоеванія въ качествѣ благотворительнаго учрежденія или общества взаимной помощи.

Не матеріальной помощи искали въ нѣдрахъ ея, и не ею объясняется быстрое распространеніе христіанства въ имперіи въ теченіи перваго вѣка; въ ней искали единенія сердець и душъ, радости отъ чувства братствъ; той живой радости любви, *agape*, которую столь славно представилъ Ап. Павелъ; въ ней искали болѣе чистыхъ религіозныхъ вѣрованій, живой вѣры въ единого и всеблагаго Бога-Отца Небеснаго, любящаго своихъ дѣтей; въ ней искали надежды на безсмертіе, запечатлѣнной смертью Иисуса Христа. И эта надежда была такъ горяча и глубока, что она воплощалась въ вѣру въ близкое пришествіе, въ славное явленіе царства Божія и торжество правосудія. Въ этой мечтѣ жили первыя христіанскія поколѣнія, и вотъ почему, не смотря на то, что они были проникнуты истиннымъ духомъ любви къ ближнему, они казались равнодушными къ основанію на этой землѣ прочныхъ учреждений или преобразованію уже существующихъ. Они ожидали „новаго неба“ и „новой земли“ (2 Петр. III, 13). Та справедливость, которую они такъ страстно ожидали, представлялась имъ не собственнымъ дѣломъ, а результатомъ мессіанскаго переворота. Нѣтъ сомнѣнія, что въ томъ ученіи, которое имъ было проповѣдано, въ той *благой вѣсти*, которую они слушали, находились зачатки соціальнаго обновленія, но они ихъ не развивали, потому что ожидали жатвы болѣе вѣрной и болѣе богатой. Поэтому они оставляли рамки древняго общества нетронутыми, а все стремленіе влагали въ измѣненіе душъ. Но съ наступленіемъ втораго вѣка вѣра въ пришествіе начала ослабѣвать. Въ началѣ думали что не прекратится даже поколѣніе непо-

средственныхъ учениковъ Іисуса, какъ придетъ Учитель въ своей славѣ, но дѣйствительность не оправдала ихъ надеждъ... Нужно было продолжать жизнь. А когда жизнь снова вступала въ свои права, то и соціальный вопросъ, оставляемый безъ вниманія вслѣдствіе вѣской причины, долженъ былъ опять сильнѣе выступить на первый планъ. Въ своей слѣдующей лекціи мы постараемся указать, какое положеніе приняла церковь втораго и третьяго вѣка относительно этого вопроса.

ВТОРОЕ ЧТЕНІЕ.

Состояніе церкви съ начала втораго вѣка до христіанской имперіи.

Въ первомъ вѣкѣ христіанство распространилось въ имперіи съ большой быстротой, но прочно утвердилось только въ нѣкоторыхъ пунктахъ, очень хорошо, впрочемъ, избранныхъ для того, чтобы въ послѣдствіи оно могло тѣмъ легче разливать свой свѣтъ на окружающія ихъ мѣстности. Города: Антиохія въ Сиріи, Ефесъ и нѣкоторые другіе въ Малой Азіи, общины въ Македоніи и Ахаіи, основанныя Ап. Павломъ, Римъ, о первыхъ христіанскихъ вачаткахъ котораго мы знаемъ такъ мало, но который не замедлил занять первое мѣсто въ развитіи новой религіи, — вотъ тѣ блестящіе пункты, которые мы замѣчаемъ внѣ родины христіанства — Палестины. Навѣрно, христіанскіе миссіонеры уже съ начала христіанства стучали также и въ другія двери, но намъ неизвѣстно, были ли онѣ имъ открыты. Однако же въ церкви было общимъ убѣжденіемъ, что христіанство проникло до крайнихъ предѣловъ имперіи уже въ первомъ вѣкѣ. И нѣтъ сомнѣнія, что Апостолы, какъ только сдѣлали рѣшительный шагъ въ томъ направленіи, чтобы *благую вѣсть* назначенную прежде всего Іудеямъ, возвѣстить и язычникамъ, — возымѣли надежду — проповѣдывать ее во всемъ, тогда извѣстномъ, мірѣ. Но успѣхъ христіанской проповѣди, послѣ молніе подобнаго распространенія ея въ самомъ началѣ, оказался рѣшительнымъ только во второмъ вѣкѣ. Въ первой половинѣ этого столѣтія значительное развитіе имѣла новая вѣра въ Малой Азіи, а въ концѣ — важными центрами ея пропаганды сдѣлались двѣ другія провинціи: Египетъ и Римская Африка, главнымъ образомъ

Проконсульство и Нумидія. Въ то же время и римская церковь, благодаря непрестанному приросту народонаселенія, значительно увеличилась въ своемъ объемѣ. Въ третьемъ вѣкѣ, когда церковь въ теченіе довольно долгаго періода времени наслаждалась глубокимъ миромъ, христіане Рима, Александріи, Карфагена и его окрестностей, въ особенности христіане Малой Азіи, образовали уже могущественное меньшинство. Ихъ общины—многочисленны и богаты; онѣ не руководятся болѣе исключительною мыслью о скоромъ концѣ міра,—эту надежду онѣ все болѣе и болѣе относятъ къ неопредѣленному будущему; онѣ думаютъ теперь о томъ, какъ бы имъ соорганизоваться для жизни и для завоеванія міра. Понятно, что и социальную проблему онѣ ставили себѣ совершенно иначе, чѣмъ оба первыя христіанскія поколѣнія.

Первые Апостолы прекрасно знакомятъ насъ съ внутреннимъ состояніемъ главныхъ церквей въ тотъ моментъ, когда онѣ изъ небольшихъ собраній съ цѣлью общей трапезы преобразовывались въ мощныя религіозныя общества. Духъ благодѣтельности, одушевлявшій общины перваго вѣка, не угасъ и въ общинахъ втораго столѣтія. Стоитъ только прочесть описанія христіанской жизни, которыя оставили намъ Аристидъ, Іустинъ и неизвѣстный авторъ посланія къ Диогнету,—и почувствуешь себя не далеко отъ Ап. Павла. Въ данный моментъ мы не будемъ спрашивать себя, соответствуютъ ли эти описанія дѣйствительности... Если онѣ представляютъ только идеаль, то существенно показать, что этотъ идеаль не измѣнился. Такъ, читая Аристида или Іустина, съ перваго взгляда подумаешь, что церковь хочетъ установить коммунизмъ, т. е. получается совершенно такое впечатлѣніе, какъ при чтеніи Дѣяній, посланія Ап. Іакова или *Лѣданъ*; встрѣчаешь тѣ же самыя формулы: вы должны имѣть все общее, вы никогда не должны говорить, что вамъ что либо принадлежитъ въ собственность. Но всѣ эти формулы только въ теоріи. Когда же подойдешь къ нимъ ближе, когда вскрыешь конкретныя подробности, вызываемыя этими текстами, то совсѣмъ не трудно понять ихъ истинный смыслъ. Возьмемъ, на примѣръ, Іустина, самаго точнаго и самаго полнаго изъ писателей втораго вѣка. Онъ говоритъ: „Мы, которые нѣкогда, (когда мы были язычниками) любили болѣе всего приобрѣтеніе богатствъ, теперь полагаемъ свои иму-

щества въ общее достояніе, и удѣляемъ изъ нихъ всякому, кто нуждается“ 1). Развѣ это коммунизмъ? Нѣсколько главъ ниже, послѣ этого объявленія принциповъ, мы читаемъ откровенное описаніе молитвенныхъ собраній. Здѣсь мы видимъ, что богатые „даютъ столько, сколько каждый изъ нихъ захочетъ, по усмотрѣнію; результатъ сбора передается затѣмъ въ руки предстоятеля собранія, а этотъ помогаетъ сиротамъ, вдовымъ, бѣднымъ и другимъ несчастнымъ, заключеннымъ въ темницахъ и проѣзжимъ чужестранцамъ“ 2). Итакъ богатые даютъ, сколько хотятъ; благотворительность, значить, является обязанностью чисто нравственной: она, правда, считается первою обязанностью, составляетъ характерное отличіе христіанина, но она все еще остается въ исключительной зависимости отъ совѣсти и вѣры индивидуума, принципомъ соціальнаго преобразованія не дѣлается.

Важнымъ фактомъ исторіи христіанства во второмъ и третьемъ вѣкѣ является, какъ мы видѣли, непрерывное возрастаніе числа вѣрующихъ. Отсюда необходимо вытекаютъ различныя послѣдствія; однимъ изъ нихъ является пониженіе средняго уровня добродѣтели и вѣры въ общинахъ. Этого неизбѣжнаго паденія, правда, не видно въ текстѣ тѣхъ апологетовъ, которыхъ я привелъ, но его показываютъ другіе писатели. Такъ, напримѣръ, Ермъ, авторъ *Пастыря*, свидѣтельствуемъ о немъ относительно римской общины. Въ его время, т. е. немного ранѣ середины втораго вѣка, римская община насчитывала уже довольно большое количество зажиточныхъ братьевъ. Самъ Ермъ сначала былъ богатъ, затѣмъ его имущество было конфисковано; Ермъ очень радъ этому, потому что онъ очень строго смотрѣлъ на богатство. Ермъ признаетъ, что нѣкоторые богатые, дѣйствительно, безупречны, но большая часть изъ нихъ люди съ жестокимъ сердцемъ, а изъ нихъ то и образуются, во время гоненій, тѣ слабыя души, которыя поддаются страху. Имъ Ермъ совѣтуетъ подвергнуться тому же испытанію, которому подвергнулся онъ самъ—видѣть свое наслѣдство не то что уничтоженнымъ, ибо, тогда, какъ бы осуществлялась благотворительность?—а уменьшеннымъ, чтобы ихъ привязан-

1) Apologie 1, XIV, 2.

2) Apologie. LXVII, 6.

ность къ своему имуществу сдѣлалась менѣе сильной, но чтобы они все же были бы въ состояніи оказывать помощь бѣднымъ. Что замѣчалось въ Римѣ, то было вообще во всѣхъ христіанскихъ общинахъ. И вотъ, когда Апологеты показываютъ намъ, что христіанскій идеаль не измѣнился со времени апостольскихъ поколѣній, такая книга, какъ *Пастырѣ*, даетъ намъ понять, что сама дѣйствительность измѣнилась. Общее число вѣрующихъ увеличилось, но результатамъ этого было пониженіе средняго уровня нравственности. Богатые люди—стали менѣе рѣдкимъ явленіемъ и ихъ принадлежность къ общинѣ была слишкомъ полезной для общаго блага, чтобы мнѣніе большинства, не смотря на зависть возбуждаемую ими въ нѣкоторыхъ, не склонялось въ ихъ пользу. Наоборотъ, бѣдные стали также болѣе многочисленными, и ихъ число, взятое въ связи съ ослабленіемъ чувства братства,—слово было все еще на устахъ, но было ли оно также въ сердцѣ?—имѣло своимъ послѣдствіемъ то, что частная благотворительность становилась недостаточнымъ палліативомъ, и церковь должна была подумать объ основаніи официальныхъ учрежденій для благотворительности. И это произошло въ концѣ втораго, а еще болѣе въ третьемъ вѣкѣ. Теперь оставимъ пока въ сторонѣ переходный періодъ, который протекалъ со времени первоначальнаго христіанства до той эпохи, когда вполне опредѣленно образовался вселенскій организмъ, и остановимся на томъ моментѣ, когда церковь стала представлять собою такъ сказать государство въ государствѣ. Мы спросимъ себя сначала, какія ученія о собственности проповѣдывали главные представители христіанской мысли въ третьемъ вѣкѣ; затѣмъ, какъ они понимали и проповѣдывали обязанности благотворенія, и какъ эта обязанность понималась и осуществлялась каждымъ вѣрующимъ въ частности; наконецъ, въ какой степени церковь, какъ благоустроенный организмъ, принимала на себя отвѣтственность и право на помощь бѣднымъ, и какія учрежденія для этого она основала?

Христіанская литература третьяго вѣка слишкомъ богата, для того, чтобы я, для разрѣшенія вопроса о томъ, какія ученія о собственности распространялись въ то время, разсмотрѣлъ ее всю, поэтому изъ всѣхъ видныхъ писателей

этого времени я выберу одного или двухъ самыхъ выдающихся. Самымъ подходящимъ въ данномъ случаѣ мнѣ представляется Тертуллианъ. И вотъ почему: во-первыхъ, если существуетъ между древними учителями такой, который представлялъ бы нѣкоторыя черты сходства съ нашими современными социалистами или анархистами, такъ это именно онъ; во-вторыхъ, благодаря своему огненному темпераменту и пылкому гению, онъ во всемъ держался крайне противоположныхъ мнѣній и высказывалъ самыя радикальныя рѣшенія. Это конечно, не значитъ, чтобы Тертуллианъ былъ рьянымъ фанатикомъ въ томъ смыслѣ, какой мы обыкновенно соединяемъ съ этимъ словомъ, и тѣ ученые, которые изучали его произведенія, какъ, напр., Монсо ¹⁾ (Molseau) или Гиньберъ ²⁾ (Guignebert) рѣшительно доказываютъ, что онъ имѣлъ въ дѣйствительности гораздо болѣе практическаго ума и умѣренности, скрывающейся правда, подъ рѣзкостью словеснаго выраженія, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Дѣйствительно, онъ не щадитъ богатыхъ, осыпаетъ ихъ бранью; но, когда онъ излагаетъ свое ученіе или когда описываетъ состояніе африканскихъ церквей,—входитъ ли онъ въ настоящій конфликтъ съ римскимъ правомъ или греческимъ правомъ и осуждаетъ ли собственность? Нисколько. Это можно было бы еще подумать, если читать его поверхностно, подобно тому, какъ то же самое подумаешь при быстромъ чтеніи Ев. Луки, ап. Іакова или *Λιδαχῆ*. Онъ воспроизводитъ тѣ формулы, къ которымъ мы уже привыкли, только онъ придаетъ имъ тотъ саркастическій тонъ, которымъ онъ особенно отличается. Вотъ, напр., какъ онъ говоритъ въ своей апологіи: „*omnia indiscreta sunt apud nos, praeter uxores*“ ³⁾. „Все у насъ общее, кромѣ женъ“ и къ этому прибавляетъ: „совершенно наоборотъ тому, что происходитъ у васъ, у васъ жены общія“. Но въ той же главѣ онъ самъ показываетъ, что слѣдуетъ понимать подъ этимъ мнимымъ коммунизмомъ; описывая христіанскія собранія, онъ говоритъ объ нихъ въ тѣхъ же терминахъ, которые мы встрѣтимъ у Іустина: *Modi-*

1) Histoire littéraire de l' Afrique chrétienne, t. 1. Paris 1901.

2) Tertullien, Etude sur ses sentiments à l'égard de l' Empire et de la société civile Paris, 1901.

3) Apologetique, 39.

cum unusquisque stipem menstrua die, vel cum velit, et si modo velit, et si modo possit, apponit; nam nemo compellitur; sed sponte confert. „Каждый приносить свою скромную долю однажды въ мѣсяцъ, или когда онъ захочетъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ этого хотѣлъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ это могъ, ибо никто къ этому не принуждается; но приносить добровольно“. Этотъ суровый врагъ римскаго общества никогда не думалъ о томъ, чтобы разрушить ту коренную основу, на которой оно покоилось—право собственности; онъ ограничился проповѣдью о долгѣ благотворительности.

Возьмемъ теперь представителя школы противоположной Тертулліановой, человѣка съ умомъ самымъ разностороннимъ, человѣка, проникнутаго самыми чистыми и благородными началами греческой цивилизаціи, человѣка наиболѣе умѣреннаго во всѣхъ отношеніяхъ, человѣка широко образованнаго, наиболѣе мирнаго, но въ тоже время истиннаго христіанина—Климента Александрійскаго. Никто лучше его не показалъ, что есть наиболѣе социальнаго въ христіанствѣ и почему изъ этого единенія душъ, изъ этого братства, которыя должны исповѣдывать въ общинѣ и которыя являются выраженіемъ и принципомъ ея, необходимо заключить о равенствѣ условій. Мы приведемъ наиболѣе часто цитируемое мѣсто изъ его *Педагога* ¹⁾. „Самъ Богъ создалъ человѣчскій родъ для того, чтобы всѣ предметы были общими между людьми; онъ всѣхъ ихъ сдѣлалъ участниками въ заслугахъ своего сына; онъ всѣмъ имъ сообщилъ свое Слово; такимъ образомъ онъ сотворилъ всѣ предметы для всѣхъ. Такимъ образомъ всѣ предметы общіе, и богатые не должны имѣть преимущества. Говорятъ: у меня есть имущество; у меня очень большое имущество; почему мнѣ не жить въ удовольствіяхъ? Эти слова совсѣмъ не человѣческія, они не социальны (*κοινωνικόν*). Любовь повелѣваетъ сказать: я богатъ, почему мнѣ не позволить пользоваться моимъ богатствомъ тѣмъ, которые не богаты? Тотъ, кто такъ говоритъ, совершенъ: ибо онъ исполняетъ заповѣдь: возлюби ближняго твоего, какъ самого себя... Я знаю, что Богъ“, говоритъ онъ немало далѣе: „далъ намъ власть пользоваться его дарами, но только поскольку это необходимо, и онъ хотѣлъ, чтобы

¹⁾ 11, 12, 120.

пользованіе ими было общимъ. Въ самомъ дѣлѣ бессмысленно видѣть, что одинъ человѣкъ живетъ въ удовольствіяхъ, въ то время, какъ другіе несчастны“. Здѣсь чувствуешь, на сколько мысль Климента соотвѣтствуетъ духу Евангелія и какое глубокое чувство братства ее внушаетъ. Но видно также, что онъ не болѣе всякаго другаго свидѣтеля, на которыхъ я ссылаюсь, хочетъ преобразовать общество. И въ самомъ дѣлѣ, тотъ, кто написалъ эту страницу *Педагога*, въ другомъ, болѣе специальномъ сочиненіи ¹⁾, самомъ полномъ изъ сочиненій, явившихся по поводу этого вопроса, занимается вопросомъ о богатствѣ въ его отношеніи къ спасенію. Въ этомъ сочиненіи онъ опровергаетъ непримиримыхъ противниковъ богатства, тѣхъ, которые думаютъ, что оно является препятствіемъ для спасенія. А такихъ было еще много и они могли легко опираться на слова Іисуса (Мѡ. XIX, 24). Климентъ же, наоборотъ, думаетъ, согласно съ ученіемъ Церкви, что богатый можетъ спастись при условіи хорошаго употребленія своего богатства.

Христіанство обыкновенно видѣло двѣ стороны въ милостыни: во-первыхъ, помощь тому несчастному, который ее принимаетъ; во-вторыхъ, слѣдствіе освященія, очищенія души того, кто ее подаетъ. Такое двоякое пониманіе очень древне ²⁾, какъ мы уже видѣли. Несомнѣнно, что въ основѣ всѣхъ дѣйствій Іисуса лежала любовь,—любовь къ ближнему, нѣжнѣйшее и глубочайшее чувство братства между людьми. Это же чувство руководитъ и Климентомъ, и оно никогда не переставало жить въ Церкви. Между тѣмъ, начиная съ третьяго вѣка, въ ученіи нѣкоторыхъ ученыхъ и епископовъ проводилась та мысль, что милостыня есть заслуга, что она даетъ право на награду тому, кто ее подаетъ. Такая теорія ясно выражена въ подложномъ второмъ посланіи Климента: „Милостыня сильна, какъ раскаяніе во грѣхъ; постъ болѣе силенъ, чѣмъ молитва, милостыня—сильнѣе поста и молитвы; милостыня есть оплата за грѣхъ“ ³⁾. Она встрѣчается также у Ерма. Но только съ третьяго вѣка она установилась

¹⁾ „Какой богачъ спасется“.

²⁾ Оно находится у Ев. Луки (XI, 41), и даже болѣе древне, чѣмъ это евангеліе; оно находится въ извѣстныхъ еврейскихъ произведеніяхъ, какъ напр. въ книгѣ Товіи.

³⁾ XVI, 4.

прочю и стала всеобщю. Она была систематически изложена въ специальномъ трактатѣ ¹⁾ Кипріаномъ, однимъ изъ самыхъ практическихъ умовъ и наиболѣе способныхъ организаторовъ третьяго вѣка, который, будучи проникнутъ чистѣйшею евангельскою любовью, слишкомъ хорошо, однако, зналъ свой вѣкъ, чтобы не понять, что большинство изъ его вѣрующихъ не походило на него. Самъ Кипріанъ былъ очень богатымъ человѣкомъ и желалъ слѣдовать тѣмъ примѣрамъ щедрости, которые были приведены Ев. Лукою въ книгѣ Дѣяній. Но отказался ли онъ отъ *всѣхъ своихъ* имуществъ? Сказаніе, образовавшееся вскорѣ послѣ его смерти, подтверждаетъ это. Но Понцій, его биографъ и современникъ, простодушіе котораго служить вѣрнымъ ручательствомъ его искренности, говоритъ только: *почти отъ всѣхъ* ²⁾. Собственная переписка Кипріана показываетъ, что онъ помогалъ больнымъ и бѣднымъ изъ своихъ собственныхъ средствъ, *de quantitate sua propria* ³⁾, что въ тотъ моментъ, когда произошло гоненіе, его имущество было конфисковано; и тотъ самый домъ, въ которомъ онъ жилъ, прекрасный домъ съ садомъ, проданный имъ въ то время, когда онъ обратился въ христіанство, былъ ему возвращенъ, по мнѣнію Понція, только въ послѣдствіи. Безъ сомнѣнія, его друзья и почитатели сложились, чтобы его выкупить для него. Такимъ образомъ, если св. Кипріанъ сохранилъ нѣкоторую часть своего прежняго имущества, то можно быть увѣреннымъ, что онъ въ этомъ случаѣ не руководился мелочнымъ эгоизмомъ. Это былъ человѣкъ необычайно крѣпкаго и здороваго ума: онъ въ высшей степени ясно понималъ настоящее положеніе дѣла. Онъ думалъ, что онъ, какъ епископъ Карфагенскій, въ интересахъ самой Церкви и бѣдныхъ долженъ располагать нѣкоторыми средствами. Онъ признавалъ, что въ его время у большинства вѣрующихъ одно чувство братства не въ состояніи вызвать тѣхъ дѣлъ благотворительности, которыя оно вызывало у вѣрующихъ первыхъ поколѣній; не менѣе правильно признавалъ онъ, что его слѣдуетъ оживить при помощи другихъ мотивовъ, менѣе возвышенныхъ,

1) De opere et eleemosynis.

2) Vita Cypriani, 2.

3) Epist. VII.

напр., расчетомъ на личное спасеніе. Безъ сомнѣнія, онъ не скрывалъ отъ себя, что дѣло благотворительности становится на такой путь, который имѣетъ свои опасности. Если Іисусъ и ап. Павелъ, въ ихъ состраданіи къ человѣческому бѣдствію, въ ихъ страстномъ желаніи облегчить его, не упустили изъ виду того, что благотворительность въ одно и тоже время очищаетъ и облагораживаетъ душу благотворителя и излечиваетъ раны страдающаго, все же они эту эгоистическую озабоченность о собственномъ спасеніи предоставляли фарисеямъ и никогда не думали, чтобы матеріальный актъ милостыни самъ по себѣ имѣлъ какую нибудь цѣнность и могъ замѣнить то самопожертвованіе, которое одно является истинно христіанскою добродѣтелью. Такимъ образомъ духъ третьяго вѣка безспорно отклонялся отъ первоначальнаго духа христіанства, наступалъ моментъ, когда вмѣсто внутренней любви являлась показная, имѣвшая только видъ благотворительности. Но можно ли въ этомъ упадкѣ упрекать великихъ епископовъ, которые, подобно Кипріану, видѣли, что расходы общины увеличиваются въ той мѣрѣ, въ какой уменьшается частная благотворительность, и которые должны были, хотя бы путемъ обращенія къ эгоизму, находить средства, необходимыя для покрытія этихъ расходовъ?

Съ этого момента, и даже со втораго вѣка, евіонитскія идеи—этотъ quasi коммунизмъ, который чуть ни приобрѣлъ на нѣкоторое время господство въ палестинскихъ общинахъ,—начали не только утрачивать всякую надежду на успѣхъ въ церкви, но даже мало по малу переставали считаться архаизмомъ; онѣ становились признакомъ ереси. Если бы кто захотѣлъ заняться разысканіемъ потомковъ евіонитовъ въ Іерусалимѣ, то нашелъ бы ихъ не въ этой великой церкви, но въ тѣхъ сектахъ, которыя ютятся вокругъ нея. Апокрифическія произведенія, родившіяся въ нѣдрахъ этихъ сектъ, и дошедшія до насъ въ измѣненномъ видѣ, полны такихъ идей, которыя считаются въ наше время опасными. Многіе гностики дѣйствительно требовали полного отрѣшенія отъ благъ этого міра и, принимая буквально евангельскія слова о птицахъ и лиліяхъ, проповѣдывали совершенное равнодушіе къ потребностямъ дѣйствительной жизни. Дѣянія Θомы, напр., проповѣдуютъ такой радикальный аскетизмъ, что можно думать—безъ сомнѣнія, не правильно—что онъ

ни что иное, какъ передѣлка буддѣйской легенды. Псевдо-Климентинскіе проповѣди дышатъ такимъ же духомъ; для ихъ автора собственность есть грѣхъ; если освободиться отъ богатствъ, хотя бы неволью, по несчастью, освободиться отъ грѣха. Всѣ эти произведенія имѣютъ точки соприкосновенія, если не съ буддизмомъ, то съ философіей циниковъ и ея рѣшительнымъ презрѣніемъ къ благамъ жизни. Христіанская мысль проявляется въ нихъ только въ непрестанномъ внушеніи о томъ, что не достаточно одного отреченія отъ богатства, но нужны еще и дѣла благотворенія.

Если какая либо секта старается извлечь изъ евангельскаго ученія не радикальный аскетизмъ, а истинный коммунизмъ и полнѣйшее равенство, то ясно, что это секта—христіанская только по имени, въ самомъ же дѣлѣ философская секта. Такъ обстоитъ дѣло съ Карпократіанами. Мы мало освѣдомлены объ нихъ; все, что мы знаемъ, знаемъ изъ свидѣтельствъ со стороны ихъ противниковъ. Да намъ и не важно, что говорятъ они объ ихъ нравахъ или ихъ магическихъ упражненіяхъ. То, что сообщаетъ намъ Климентъ Александрійскій ¹⁾ объ Елифанѣ, не по лѣтамъ развитомъ сынѣ Карпократы, умершемъ на 17 году своей жизни и оставившемъ послѣ себя трактатъ о правосудіи, даетъ намъ понятіе о немъ, какъ о мечтателѣ, который болѣе размышлялъ о Платонѣ, чѣмъ объ Иисусѣ, болѣе о *Республикѣ*, чѣмъ объ Евангеліи. Карпократіане могли, конечно, ссылаться на слова Св. Писанія и извлечь коммунизмъ напр. изъ слѣдующаго мѣста книги Притчей: „положи свое наслѣдство среди насъ, и будемъ имѣть одинъ поясъ и кошелекъ“ ²⁾. Но какъ мы далеко отъ Галилеи и Нагорной проповѣди, когда прочитаемъ такую формулу: „Богъ, который сотворилъ всѣ предметы общими для человѣческаго рода, который сотворилъ жену мужа ради ихъ союза, который также соединилъ всѣ живущія существа, показавъ, что справедливость состоитъ въ общности и равенствѣ: *Κοινωνίαν μετ' ἰσοότητος*“.

Въ виду такихъ теорій, обратимся къ практикѣ. Тексты Тертуліана и Іустина, которые я уже цитировалъ выше, показываютъ, какъ была организована официальная благотвори-

¹⁾ Stromates III, 2, 5—9.

²⁾ 1. 14.

рительность. Община имѣла общую кассу. Тертуллианъ называетъ ее *arca*, Кипріанъ *сogvona*. Эта касса образовалась изъ пожертвованій вѣрующихъ, которыя не регулировались какими либо правилами, а были добровольными. Повидимому, онѣ не вездѣ даже собирались въ одно опредѣленное время, а производились обыкновенно во время молитвенныхъ собраній; здѣсь онѣ вручались епископу. Такъ, по крайней мѣрѣ, согласно Іустину, происходило дѣло въ Римѣ. Въ Африкѣ, дѣло происходило, можетъ быть, нѣсколько иначе, ибо Тертуллианъ говоритъ о мѣсячной раскладкѣ: *modicum stipem menstrua die* ¹⁾. Но уже вслѣдствіе того факта, что пожертвованія ограничивались болѣе или менѣе правильною періодичностью, онѣ не могли достигать высокой суммы. Равнымъ образомъ, если церкви и охотно получали иногда чрезвычайныя подарки отъ щедрости какого либо богатаго жертвователя, все же онѣ старались при этомъ не рисковать своею независимостью. Такъ напр., когда Маркіонъ, еще до основанія своей еретической школы, далъ римской общинѣ значительную сумму, то она была добросовѣстно возвращена ему, когда онъ сдѣлался сектантомъ. Великія непредвидѣнныя бѣдствія, общія несчастія также не рѣдко давали епископамъ случай открывать подписку среди своихъ вѣрующихъ. Интереснымъ документомъ въ этомъ отношеніи служить 62-ое письмо Кипріана: оно адресовано къ группѣ сельскихъ христіанъ, извѣщавшей его о похищеніи варварами нѣкотораго числа вѣрующихъ и среди нихъ нѣсколькихъ дѣвушекъ. Въ нѣсколько дней Кипріану удалось собрать среди членовъ своего клира и мірянъ довольно значительную сумму, каковую онъ и послалъ своимъ просителямъ для выкупа плѣнныхъ. Въ то же время вѣрныи своей теоріи, которую онъ, какъ мы видѣли, развилъ въ своемъ трактатѣ о милостынѣ, и заботясь о томъ, чтобы жертва его вѣрныхъ не осталась безъ награды, онъ присоединилъ къ своему письму листъ съ именами жертвователей, чтобы они не остались неизвѣстными и не были забыты въ молитвахъ той общины, которой они помогли.

Но это все исключительные случаи. Спрашивается: какое употребленіе получалъ обыкновенный бюджетъ общинъ,

¹⁾ Apologetique, 39.

сумма, образуемая изъ періодическихъ пожертвованій вѣрующихъ, и передаваемая обыкновенно по воскресеньямъ епископу? Изъ этихъ фондовъ получали помощь нуждающіеся всякаго рода: вдовы, сироты, больные, всѣ тѣ бѣдные, на которыхъ, по словамъ легенды, съ такою гордостью показалъ діаконъ Лаврентій правительственному чиновнику, требовавшему отъ него выдачи сокровищъ церкви. Всѣ эти вспомошествоваемые заносились въ официальные списки. Благодаря Евсеію ¹⁾ до насъ дошелъ такой списокъ римской общины изъ третьяго вѣка. Въ 251 году число лицъ, помѣщенныхъ на немъ, простиралось до 1500. Если допустить, согласно Гарнаку, что ежегодное содержаніе каждаго изъ нихъ обходилось почти въ 200 франковъ,—что совсѣмъ не преувеличено,— то римская церковь въ это время расходовала на этотъ предметъ около 300,000 франковъ. А это заставляетъ предположить значительный бюджетъ общины, ибо это было не единственной ея тратой: всѣ многоразличные служители культа отъ нея получали и свое денежное жалованье и свое содержаніе натурой. Кромѣ того, прекраснымъ обычаемъ общинъ было погребеніе на ихъ счетъ бѣдныхъ братьевъ. Объ этомъ упоминаютъ и Аристидъ и Тертулліанъ. И можетъ быть въ этомъ обычаѣ слѣдуетъ искать начало образованія христіанскихъ ассоціацій изъ погребальныхъ ассоціацій языческихъ—*collegia tenuiorum*. Равнымъ образомъ, во время гоненій нужно было дѣлать довольно сильныя траты на помощь заключеннымъ въ темницы, на доставленіе имъ нѣкоторыхъ облегченій въ ихъ заточеніи, на щедрыя подарки ихъ стражѣ. Объ этомъ свидѣлствуютъ акты мучениковъ и это свидѣтельство подтверждается веселой пародіей Лукіана въ его *Peregrinus*. Затѣмъ, на сколько это обстоятельство являлось въ глазахъ самихъ язычниковъ однимъ изъ характерныхъ дѣлъ христіанской благотворительности, самымъ поразительнымъ образомъ доказываетъ то, что Лициній, приготовляясь къ войнѣ съ Константиномъ, воздвигнулъ гоненіе на христіанъ и, въ ряду мѣръ назначенныхъ для того, чтобы воспрепятствовать главнымъ социальнымъ проявленіямъ христіанской пропаганды, издалъ рѣшительное запрещеніе посѣщать заключенныхъ въ темницы и по-

¹⁾ Евсеіа Церк. Исторія, VI, 43

могать имъ. Наконецъ, такая великая церковь, какъ римская, стоявшая, какъ она думала, во главѣ христіанства, обязана была имѣть резервный фондъ, чтобы, въ случаѣ необходимости, притти на помощь другимъ общинамъ, менѣ многочисленнымъ и менѣ богатымъ. И въ самомъ дѣлѣ, если такіа щедроты ея не были главной причиной того преимущественнаго вліянія, которое она скоро приобрѣла въ общемъ управленіи христіанскими дѣлами, то онѣ были, по крайней мѣрѣ, одной изъ значительныхъ въ ряду второстепенныхъ. Это доказываетъ одно значительное мѣсто епископа Діонисія Коринѣскаго, сохраненное намъ Евсевіемъ ¹⁾; безъ сомнѣнія съ этимъ же намѣреніемъ Игнатій въ своемъ *посланіи къ Римлянамъ* даетъ римской общинѣ между другими лестными титулами еще титулъ первенствующей въ любви (*προκαθημένη ἀγάπῃ*).

Возникаетъ теперь интересный вопросъ о томъ, въ какой степени христіанская благотворительность простиралась на тѣхъ, которые не принадлежали къ Церкви. Къ несчастью, для разрѣшенія его у насъ мало точныхъ документовъ. Очевидно, что въ принципѣ, общая касса, *arca*, пополнявшаяся взносами вѣрующихъ, должна была прежде всего служить ихъ собственнымъ нуждамъ. Кажется однако, что вѣрующіе не всегда строго ограничивались въ дѣлахъ благотворительности только своими братьями по вѣрѣ. Уже ап. Павелъ говорилъ Галатамъ: „Будемъ дѣлать добро всѣмъ, а наипаче своимъ по вѣрѣ“ (VI, 10). Это, конечно, нѣкоторое ограниченіе, но не абсолютное ограниченіе. Почти то же самое говоритъ и Тертуллианъ въ своей Апологіи, назначенной, правда, въ особенности, для чтенія язычникамъ. Подобные же намеки находятся у Ерма. Извѣстно также, въ какой степени имперія была опустошаема въ третьемъ вѣкѣ, и особенно въ началѣ четвертаго, страшными эпидеміями. Это было для христіанъ поводомъ для того, чтобы примѣнить на практикѣ свое ученіе и они, конечно, никогда не упускали его. Такъ, когда чума разразилась въ Александріи, въ 259 году, мы знаемъ отъ епископа Діонисія ²⁾, что много священниковъ, діаконовъ и вѣрующихъ зарази-

¹⁾ Евсевія, Церк. Ист. IV. 23. 10.

²⁾ Евсевія Церк. Исторія VII. 22. 9.

лись сами во время ухода за больными и при погребеніи мертвыхъ. Но Діонисій въ данномъ случаѣ говоритъ только объ ихъ преданности святымъ, т. е. вѣрующимъ; напротивъ Понцій, въ своей Жизни Кипріана ¹⁾, ясно указываетъ, что епископъ Карфагенскій, во время большой чумы, которая послужила поводомъ къ написанію трактата De Mortalitate, предписалъ всѣмъ своимъ вѣрнымъ погребать также и язычниковъ. Евсевій ²⁾, рассказывая объ эпидеміи, постигшей Востокъ, при Максиминѣ также упоминаетъ о томъ, что вѣрующіе жертвовали собой не только по отношенію къ своимъ братьямъ, но и по отношенію къ язычникамъ. Нужно однако признать, что это мѣсто Евсевія носитъ скорѣе апологическій характеръ, чѣмъ простой рассказъ о фактахъ.

Евсевій проводитъ при этомъ ту мысль, что такое отношеніе вѣрующіхъ имѣло своимъ слѣдствіемъ привлеченіе къ нимъ многихъ нерѣшительныхъ,—въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго. Во всѣ времена, однимъ изъ могущественныхъ элементовъ привлеченія, какими располагала Церковь, былъ духъ пожертвованія. Это не значитъ, чтобы я думалъ, что успѣхъ христіанства объясняется именно тѣмъ, что оно представляло собою организацію взаимной помощи, опередившей подобныя же организаціи въ античномъ обществѣ. Говоря о первомъ вѣкѣ, я уже сказалъ, что первые обращенные искали въ Церкви не матеріальной помощи, а вѣру, т. е. форму монотеизма болѣе легкую для ассимилированія съ эллинской философійю, чѣмъ іудейство, чистую мораль и братскую любовь. Впрочемъ, что опредѣляющей причиной возрастанія Церкви была не ея благотворительность, это доказывается тѣмъ, что планомѣрная организація церковной помощи начинается только съ періода болѣе поздняго, съ конца 2-го вѣка, т. е. съ того времени, когда первыя вѣхи христіанской пропаганды уже были разставлены. До этой же эпохи обращенія корыстныя были, навѣрно, очень рѣдки, такъ какъ общины были очень не богаты и принимали всѣ мѣры предосторожности противъ хриstopродавцевъ (*христѣιποροι*). Но, начиная съ третьяго вѣка, наоборотъ, очень возможно, что нѣкоторые новообра-

¹⁾ Vie de Cyprien q.

²⁾ Евсевія Церк. Исторія IX, 8. 14.

щевные вступали въ христіанскую общину подъ впечатлѣніемъ той прекрасной организаціи, которую она ввела во всѣхъ благотворительныхъ учрежденіяхъ. И несомнѣнно, что язычники съ этихъ поръ стали смотрѣть на эти учрежденія, какъ на силу, на превосходство христіанства. Это особенно ясно изъ того, что вѣкомъ позже, когда Юліанъ захотѣлъ оживить національный культъ, то онъ самую главную часть своей задачи видѣлъ въ томъ, чтобы войти въ соперничество съ своимъ противникомъ именно на этой почвѣ. Онъ хотѣлъ сдѣлать изъ своихъ жрецовъ также служителей благотворительности; хотѣлъ противопоставить христіанскимъ вспомогательнымъ учрежденіямъ другія учрежденія, которыя были бы не государственными, а также церковными, только другой Церкви. Вотъ что онъ писалъ Арзасу, главному жрецу Галатіи: „Почему мы не размышляемъ о томъ, что развили атеизмъ (т. е. христіанство): благодареніе къ иностранцамъ, заботу о погребеніи мертвыхъ?.. Обо всемъ этомъ нужно намъ самимъ позаботиться... Устрой въ каждомъ городѣ многочисленные госпитали, чтобы иностранцы могли получать нашу помощь, и не только тѣ, которые изъ нашихъ, но и всякій, кто имѣетъ надобность. Что касается до средствъ, то я уже объ нихъ подумалъ. Я далъ приказъ каждый годъ поставлять во всю Галатію 30000 мѣръ пшеницы и 60000 мѣръ вина; и я желаю, чтобы пятая часть этого была употреблена въ пользу тѣхъ бѣдныхъ, которые находятся въ услуженіи жрецовъ; остатокъ пусть будетъ раздѣленъ между чужеземцами и нищими. Ибо постыдно, что у Іудеевъ никто не нищенствуетъ, а нечестивые Галилеяне кормятъ нашихъ съ своими, тогда какъ мы не даемъ имъ никакой помощи. Научи тѣхъ, которые принадлежатъ эллинистамъ, принять на себя часть этихъ расходовъ, а эллинскія деревни—давать богамъ первые плоды отъ ихъ жатвъ“ ¹⁾. И Юліанъ, который любитъ всегда прикрываться какимъ-либо авторитетомъ, въ родѣ эллинской библіи, заключаетъ свою рѣчь, говоря, что язычество такимъ образомъ возвратится къ преданію Гомера, который устами Евмея такъ благородно проповѣдывалъ гостепріимство.

¹⁾ Ep. 49. edition Hertlein

Что здѣсь описываетъ Юліанъ и чему онъ завидуетъ, все это представляетъ уже собою Церковь четвертаго вѣка, Церковь торжествующая. Если Церковь третьяго вѣка умѣла уже методически осуществлять дѣла благотворительности, то Церковь послѣ Константина, не стѣсняемая болѣе никакими препятствіями, напротивъ, поддерживаемая и покровительствуемая государствомъ, привлекая къ себѣ аристократическія и богатыя семейства, съ бѣльшимъ искусствомъ и съ бѣльшимъ успѣхомъ могла теперь снова взяться за дѣло, котораго не могли остановить даже гоненія третьяго и начала четвертаго. Она систематизировала то ученіе, которое только что начало обрисовываться въ предыдущіе вѣка. Такъ теперь было установлено требованіе первыхъ плодовъ и десятины, установлена была опредѣленная такса всякаго рода и налоговъ. Что касается до требованія первыхъ плодовъ, происхожденіе котораго было, какъ мы знаемъ, очень древнее, то оно дошло до 50% дохода. Относительно же десятины, которая была болѣе поздняго установленія и была сначала добровольной, то она появилась только въ концѣ третьяго вѣка, и теперь, въ четвертомъ, стала входить въ общее употребленіе сначала въ римской, а затѣмъ и въ греческой церкви. Въ тоже время была попытка, по крайней мѣрѣ на Востокѣ, установить таксу на посвященіе въ духовный санъ и на похороны. Но всѣ эти доходы были рѣшительно не достаточны для того, чтобы епископы могли пользоваться тѣмъ широкимъ соціальнымъ вліяніемъ, которое у нихъ хотѣлъ оспорить Юліанъ. Только чрезвычайныя пожертвованія и духовныя завѣщанія могли сдѣлать возможнымъ созданіе такихъ великихъ благотворительныхъ учреждений, которыя такъ умножились въ царствованіе первыхъ христіанскихъ императоровъ, и которыя мало по малу способствовали образованію церковныхъ владѣній въ огромныхъ размѣрахъ. Послѣ—Константиновская Церковь, признанная государственною, имѣетъ правовладѣнія. Закономъ 321 года она признается право-способною получать наслѣдства: хотя, во многихъ случаяхъ, вслѣдствіе многихъ, неизбѣжныхъ злоупотребленій, это право подвергалось многимъ ограниченіямъ, все же она извлекла изъ него большую для себя выгоду до того времени, когда около пятаго вѣка, эти кратковременныя препятствія исчезли. Ко всему этому слѣдуетъ еще приба-

вить, кромѣ значительныхъ пожертвованій самихъ императоровъ, освобожденіе отъ налоговъ, пени или конфискаціи имущества еретиковъ и другихъ, капища, перешедшія въ собственность Церкви съ 435 года. Такимъ образомъ составилось огромное церковное имущество великихъ митрополій въ Римѣ, Константинополѣ, Александріи, Антиохіи.

Четвертый вѣкъ есть то время, когда Церковь получила полную возможность осуществить всю свою программу. И вотъ она начинаетъ приступать къ созданію госпиталей и всякаго рода домовъ убѣжища; и въ этомъ ея самое лучшее дѣло!

Въ Малой Азіи, Василій Великій полагаетъ первый образецъ этого въ Кесаріи,—образецъ, нашедшій себѣ подраженіе всюду. Въ Римѣ, обращенія многихъ патриціанскихъ семействъ, совершенныя бл. Иеронимомъ, являются началомъ аналогичнаго движенія: Фабіола въ самомъ Римѣ, Паммахій въ Портѣ, скоро затѣмъ Павлинъ Нольскій слѣдуютъ примѣру Востока. Затѣмъ, позднѣе, разъ началось это дѣло, что дѣлаетъ Церковь? Она устраиваетъ свое имущество, дѣлается собственницей и такимъ образомъ даетъ новое освященіе принципу собственности. Несомнѣнно, мы нашли бы и въ четвертомъ вѣкѣ въ устахъ великихъ христіанскихъ ораторовъ, какъ и въ устахъ ученыхъ, предшествовавшихъ имъ, разъясненія, которыя могутъ быть приняты какъ коммунистическія; мы нашли бы даже еще болѣе смѣлѣя, чѣмъ въ три первые вѣка, именно потому, что право собственности было уже болѣе освящено, чѣмъ когда либо, и потому, что торжествующая Церковь, каковъ бы ни былъ радикализмъ нѣкоторыхъ изъ ея ученій, уже показала, что она съумѣла войти въ неизбѣжный компромиссъ съ вѣкомъ. Но мы не думаемъ, чтобы, когда, напр., св. Григорій Назіанзинъ или св. Амвросій объявляютъ въ формальныхъ терминахъ — одинъ, что собственность есть грѣхъ, другой — что собственность есть захватъ чужаго, они имѣли хоть малѣйшее желаніе вывести изъ этихъ формулъ какое либо другое практическое заключеніе, кромѣ обязанностей, налагаемыхъ любовью къ Богу и къ ближнему. И, когда св. Іоаннъ Златоустъ со всею страстностью и со всѣмъ своимъ краснорѣчіемъ обрушивается на богачей Антиохіи и Константинополя, мы не примемъ его за народнаго трибуна. Это было бы игрой въ науку, подобной той, какъ если бы кто, на основаніи нѣ котораго внѣш-

няго и поверхностнаго сходства, уподобилъ христіанскихъ миссіонеровъ первыхъ временъ соціалистамъ и анархистамъ современнымъ.

Мы видѣли, что во второмъ и въ третьемъ вѣкѣ тѣ, которые пытались извлечь изъ Евангелія коммунистическую доктрину, взятую въ собственномъ смыслѣ этого слова, сдѣлались еретиками. Въ четвертомъ же вѣкѣ произошло явленіе, которое, на первый взглядъ, кажется страннымъ, но которое, если о немъ подумаешь больше, становится очень естественнымъ. Въ то время, какъ Церковь, приумножая свои завоеванія и дѣлаясь всемірною, принимала нейтральное положеніе, все болѣе и болѣе обнаруживающееся въ ней обмірщеніе ея вызвало въ нѣдрахъ ея, какъ необходимую реакцію этому, расцвѣтъ духа самопожертвованія и аскетизма. Но на этотъ разъ эта склонность къ аскетизму и непримому коммунизму нашла свой выходъ въ установленіи монашества, и благородныя души времени стали предаваться ему съ такимъ пыломъ, что въ четвертомъ вѣкѣ еретиками стали считаться не фанатики аскетизма, а такіе противники его, какъ Вигиланціи и Ювиніанъ. Можно сказать, что съ этого времени монашество стало вербовать себѣ самый цвѣтъ христіанскаго общества, подобно тому, какъ христіанство въ три предыдущіе вѣка вербовало себѣ цвѣтъ языческаго, и по тѣмъ же самымъ причинамъ, т. е. влеченіемъ къ болѣе совершенной жизни и къ чистотѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, какой былъ тотъ принципъ, который породилъ монашество? Можно, конечно, спорить о томъ, содержится или не содержится этотъ принципъ въ Евангеліи; протестанты, напримѣръ, на основаніи того факта, что Іисусъ жилъ жизнью своего вѣка и даже заслужилъ упрекъ со стороны фарисеевъ: „Esse homo edax et vini potator“, отрицаютъ это; католики же, наоборотъ, видятъ его въ совѣтѣ „данномъ тѣмъ, которые хотятъ быть совершенными, и утверждаютъ, что рассказъ о Марѣѣ и Маріи оправдываетъ тѣхъ, которые предаются исключительно созерцательной жизни.

Нужно однако признать, что установленіе монашества лежало въ логикѣ христіанства, взятаго въ собственномъ смыслѣ слова, а не только въ логикѣ католицизма, такъ какъ современные протестанты склонны усвоить его въ нѣкоторой степени и себѣ созданіемъ такихъ учреждений, какъ напр.,

учрежденіе діакониссъ, и такъ какъ такой мыслитель, какъ Гарнакъ, открыто объявляетъ, что на этомъ пути нужно итти далѣе. Теперь: какаѣ были, въ самомъ дѣлѣ, истинная причина распространенія монашества въ четвертомъ вѣкѣ? Этой причиной было, повторяю я, стремленіе къ болѣе совершенной жизни, желаніе нести *все иго Спасителя*, въ то время какъ видѣли вокругъ себя, что вѣра болѣе и болѣе склоняется къ компромиссамъ. Я говорю, что въ этомъ лежала самая дѣйствительная причина, хотя я не отрицаю, что и другія причины, которыя легко замѣтить, когда представишь себѣ печальное положеніе государства, находящагося въ упадкѣ, съ своей стороны не мало содѣйствовали тому, что аскеты, получившіе отвращеніе къ дѣйствительной жизни вслѣдствіе глубокаго сочувствія къ бѣдствіямъ времени, стремились въ пустыню и въ монастыри. Какъ бы то ни было, монастыри создались; жизнь одинокаго пустытника была только исключительнымъ явленіемъ, аскетизмъ осуществлялъ свой идеалъ въ большихъ монастырскихъ обществахъ. Но ничто не доказываетъ лучше, какъ это учрежденіе монастырей, насколько христіанство было далеко отъ желанія произвести матеріальное улучшеніе античныхъ обществъ, и насколько его естественнымъ стремленіемъ было нѣчто другое. Принципомъ монашеской жизни былъ аскетизмъ, отреченіе отъ благъ этого міра и это въ такой степени вѣрно, что существеннымъ прогрессомъ въ немъ является, по мнѣнію его приверженцевъ, болѣе презрѣнія къ своей плоти, чѣмъ презрѣнія къ богатству; подвижниками аскетизма въ IV вѣкѣ являются болѣе подвижники чистоты, чѣмъ подвижники бѣдности. Коммунизмъ, осуществляемый монашескою жизнью, имѣетъ своей цѣлью не уравненіе условій жизни или улучшеніе судьбы слабыхъ людей, а созданіе, подъ прикрытіемъ монастырскихъ стѣнъ, такой искусственной среды, гдѣ могло бы безпрепятственно происходить внутреннее улучшеніе души, индивидуальное усовершенствованіе посредствомъ полнѣйшаго отреченія отъ міра. Отсюда вытекали всѣ тѣ опасности, которыя представила вскорѣ же *эта созерцательная жизнь*, какъ ее называли на языкѣ времени, и которыя очень хорошо видѣли великіе епископы, жившіе жизнью своего вѣка, напр., Златоустъ, который былъ сперва аскетомъ, а затѣмъ вступилъ въ ряды

свѣтскаго духовенства, находя, что здѣсь его задача будетъ болѣе безкорыстною и болѣе полезною, и который поэтому, сдѣлавшись епископомъ, усиленно старался вернуть монаховъ къ общественной дѣятельности; Августинъ, который могъ указать въ своихъ африканскихъ общинахъ на такое же отвращеніе къ труду, которое мы иногда замѣчали у нѣкоторыхъ изъ общинъ ап. Павла, и который со всею твердостью своего характера непрестанно проповѣдывалъ о безусловной обязанности трудиться.

Мы дошли до рубежа средневѣковья и, заканчивая свое изслѣдованіе, видимъ, что церковь достигла своего полного развитія: установивъ православіе въ Никеѣ, она создала планомерную организацію помощи, начатки которой мы видѣли въ первыхъ трехъ столѣтіяхъ. Теперь намъ легко видѣть, какъ Церковь рѣшила великую социальную проблему. Въ самомъ началѣ, въ проповѣди Иисуса можно было признать два или три элемента, которые вполнѣ объединялись въ мысли Учителя, но которые могли явиться впоследствии разъединенными его учениками, и изъ которыхъ тотъ или другой могъ играть главную роль. Міръ скоро окончится, царство Божіе приближается; Иисусъ призываетъ своихъ слушателей заслужить его измѣненіемъ ихъ сердца, — раскаяніемъ. Отсюда могли родиться равнодушіе ко всякому матеріальному прогрессу и презрѣніе къ дѣятельности. Повидимому, кромѣ души и ея совершенства ничто не имѣло значенія. Но нѣтъ. Если Иисусъ проповѣдывалъ внутреннюю свободу и самоочищеніе, все же Онъ не поощрялъ бездѣйствія, ибо какъ должно было, по его мнѣнію, совершиться это измѣненіе сердца, которое онъ хотѣлъ вызвать? Любовью, дѣятельною любовью. Кто эти люди, которые ожидаютъ царство Божіе? Это все братья, всѣ братья между собою. Они имѣютъ одного Небеснаго Отца и вся ихъ обязанность состоитъ въ томъ, чтобы, любя Его, любить другъ друга. Христіанинъ не имѣетъ права отдѣляться отъ другихъ, даже ведя созерцательную жизнь, ибо эта жизнь есть молитва, а въ той молитвѣ, которой научилъ его Иисусъ христіанинъ взываетъ не къ своему Богу, а къ нашему Богу, онъ проситъ не о своемъ хлѣбѣ, а о нашемъ хлѣбѣ, и его жизнь должна быть подобіемъ жизни его Учителя, Который пошелъ, дѣлая добро. Эта восторженная любовь, конечно, могла

имѣть своимъ слѣдствіемъ побужденіе къ коммунизму, или имѣть, по крайней мѣрѣ, видъ глубокаго измѣненія соціального строя, но, въ тоже время, любовь къ ближнему, какъ ее проповѣдывалъ Іисусъ, должна была доходить до любви къ врагамъ, она желала, чтобы христіанинъ не требовалъ всего своего права, чтобы даже не противился злу. Ученіе Іисуса, если его понимать какъ слѣдуетъ, никогда не прибѣгаетъ къ силѣ, оно все получаетъ только отъ добровольнаго расположенія, оно взываетъ только къ самопожертвованію; поэтому оно не только никогда не бываетъ коммунистическимъ, оно не бываетъ даже реформирующимъ, потому что коммунизмъ или всякая реформа соціального строя совершается только силою закона; нравственная же или религіозная обязанность не законъ, законъ приказываетъ и всѣ повинуются, потому что онъ имѣетъ силу; нравственная же обязанность всегда понимается только нѣкоторыми. Борьба между добромъ и зломъ будетъ происходить на этой землѣ бесконечно и окончится вмѣстѣ съ міромъ; торжество добра будетъ концомъ міра. Богатство само по себѣ не имѣетъ никакого нравственнаго значенія, ни положительнаго, ни отрицательнаго; оно ни добро, ни зло, но привязанность къ богатству, препятствующая любви къ ближнему, есть зло. Христіане должны поэтому весьма дѣятельно бороться съ нимъ. Но какъ всѣ силы зла, такъ и самое зло не уничтожатся до тѣхъ поръ, пока не погибнетъ міръ; и всѣ послѣдствія, которыя оно влечетъ за собой, какъ напримѣръ неравенство условий, послѣдствія болѣе или менѣе тяжелыя, стоящія въ зависимости отъ эпохъ, въ зависимости отъ того, насколько будетъ могучъ духъ самопожертвованій въ душахъ, будутъ продолжаться все время, пока будетъ существовать міръ.

Итакъ, по самой логикѣ вещей церковь, съ самаго же перваго часа своего существованія, ясно показала свое намѣреніе—если не освящать, если даже не уважать, то по крайней мѣрѣ терпѣть существующій порядокъ; она не уважаетъ его, потому что въ сущности она всѣми силами борется съ нимъ, но борется только пропагандой чувства, не допуская никакого соціального требованія; если бы она его допускала, то она сама разрушила бы свой принципъ, она выгнала бы эгоизмъ въ одну дверь, чтобы впустить его въ другую. Въ логикѣ вещей, что церковь никогда не была ре-

волюціонной. Но что не въ логикѣ вещей, это то, что очень часто она шла дальше, что она казалась консервативной, что она позволяла смотрѣть на себя, какъ на прочную опору установленнаго порядка. А что ужъ совершенно не въ логикѣ ея принципа, это то, что она весьма часто замѣняла индивидуальную благотворительность официальной, — полнѣйшее самопожертвованіе, ту любовь къ Іисусу или ап. Павлу—милостыней, подаваемой въ расчетъ на отпущеніе грѣховъ. Если обстоятельство и человѣческая природа и объясняютъ, что эта эволюція дѣлалась почти неизбежной въ какой либо данный моментъ, все же эта эволюція была ничѣмъ инымъ, какъ уклоненіемъ отъ принципа.

Евангеліе не содержитъ въ себѣ свода правилъ, относящихся къ лучшему устройству социальнаго строя, оно не можетъ даже дать намъ какихъ либо разъясненій относительно того, какія рѣшенія были бы желательны при реформѣ этого строя. На этомъ же основаніи оно не можетъ быть и препятствіемъ къ реформѣ возможной и справедливой; напротивъ, духъ братства и самопожертвованія, живущій въ немъ, даже очень благопріятенъ ей, когда она готовится безъ гнѣва и принимается безъ злобы, но оно не связываетъ ея. Древнѣйшее христіанство было движеніемъ чисто религіознымъ, и ни въ какомъ случаѣ не было движеніемъ социальнымъ. Я говорю это не съ цѣлью упрекать его; я констатирую только фактъ, ибо таковъ, кажется мнѣ, тотъ урокъ, какой намъ даетъ исторія, когда у нея просятъ совѣта, а не оправданія.

В. Лучининъ.
